

Валида (Фрида
Хофманн)
Александрос
Бурджанадзе

Буковый лес

Повести и рассказы

Александрос Бурджанадзе

Буковый лес. Повести и рассказы

«Издательские решения»

Бурджанадзе А.

Буковый лес. Повести и рассказы / А. Бурджанадзе —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742082-6

«Буковый лес» — это рассказ о первой, светлой любви, которая продлилась двадцать пять лет, вплетенный в повествование о жизни в советском городке, переезде в Грецию и восприятии нового для героини — дома, путешествий, разных людей в различных социумах, их чувств, приоритетов, жизней... Впервые повесть «Буковый лес» была опубликована в еженедельнике «Мир и Омония» под редакцией Инги Абгаровой в 2011 году.

ISBN 978-5-44-742082-6

© Бурджанадзе А.
© Издательские решения

Содержание

Биография	6
Параллельные миры писателя	8
Буковый лес	10
Больше, чем реалити	56
Глава первая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Буковый лес

Повести и рассказы

Валида (Фрида Хофманн)
Александрос Бурджанадзе

Редактор Инга Абгарова

Редактор Джулия Тот

Редактор Александр Новиков

Редактор Евгения Евстафиу

Фотограф Виолетта Синельщикова

Корректор Евгений Булаш

© Валида (Фрида Хофманн), 2019

© Александрос Бурджанадзе, 2019

© Виолетта Синельщикова, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4474-2082-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Биография

Фрида Хофманн (*Будакиду Валида Анастасовна*) — человек-химера, родившийся со своим сиамским близнецом-паразитом, но выживший всем перипетиям вопреки. Известный русскоязычный журналист, писатель, синхронный греко-русски и русско-греческий переводчик, а так же врач и челюстно-лицевой хирург.

С начала 1990 года вместе с семьёй репатриировала на свою историческую родину – Грецию, где и поселилась в Северной Македонии город Салоники.

Практически сразу со дня «возвращения» Валида Будакиду поняла, что реальная Греция, о которой она так мечтала проживая на территории СССР, слишком разнится с той, которая встретила её на самом деле.

Воспитанная на русской культуре, она не стала себя ломать, стараясь отойти от всего, чему её учили в детстве, что, собственно сделали многие, выучившиеся говорить по-гречески без акцента. Она не стала стараться скрыть своё прошлое, абсолютно не приветствовавшееся проамерикански настроенными бывшими НАТОвцами, совсем наоборот! Все её мысли, все чувства и все действия были рассчитаны на то, чтоб подчеркнуть своё «русское» происхождение. Но, общения с русскоязычной диаспорой, мечтавшей раствориться в местном населении и старавшейся поскорее позабыть русский язык, чтоб не наживать себе проблем, катастрофически не хватало. Поэтому Валида Будакиду попробовала выйти на более широкую аудиторию и в 1997 году просто написала свою первую статью, а русскоязычную газету «Афинский Курьер», выпускаемую на основе «Московского Комсомольца». Статья имела резонанс.

Внештатным корреспондентом еженедельника «Афинский Курьер» Валида Будакиду проработала более пяти лет. Темы, которые она поднимала в газете были совершенно разные по-от художественных произведений до интервью со многими известными личностями Северной Греции. Особенно её привлекала страсть к газетным «скандалам». Она могла перелопатить огромное количество литературы, чтоб, к примеру, доказать читателю, что знаменитый древнегреческий философ Аристотель, учитель Александра Македонского, на самом деле был половым расистом и именно с его подачи незавидное место женщины в мире было очерчено раз и на всегда, взято на вооружение всеми религиями мира где, собственно, и продолжает находиться сегодня.

В 2004 году в Афинском издательстве «Ксенос типос» выходит первая книга под названием «Улыбка с прикусом Эллады» – повесть о буднях и праздниках людей, вынужденных покинуть родные места и отправиться в поисках лучшей жизни на чужбину.

Большим успехом у наших соотечественников за рубежом пользовались серии её статей в газете «Мир и Омония», в которой Валида Будакиду проработала три года, о адаптации греков на новых местах обитания. Статьи вызвали разные чувства – от желания «найти и убить автора» до немого восторга. Но равнодушными не оставляли никого.

Несколько рассказов из журнала «Папирус», издававшегося в Афинах, были перепечатаны и переведены на другие языки.

Сама Валида Будакиду попробовала себя и очень удачно в роли греко-русского переводчика. Написанная на греческом языке и переведённая на русский книга «Чемодан чёрной икры» о жизни греческой диаспоры в СССР разошлась в рекордные сроки.

Афинский журнал ПМЖ так же неоднократно печатал художественную часть творчества Валиды Будакиду.

Большую роль играли и ее многочисленные обзоры культурных событий на русской службе Салоникского радиовещания, и там же ею были созданы радиопередачи о современных русских поэтах и переводчиках поэзии.

Особое значение в укреплении российско-греческих связей имел её успех как сценариста и члена жюри в ежегодных играх КВН Европейской лиги, проходивших в Салониках.

В 2010 году выходит сборник рассказов Валиды Будакиду в издательстве «Алетейя» «Гречанка русская душой».

Валида Будакиду (*Фрида Хофманн*) участница многих международных литературных встреч, конференций и Всемирных конгрессов.

Грузинская газета «Вечерний Тбилиси» неоднократно печатала красочные, весёлые и одновременно трогательные рассказы Валиды Будакиду о жизни экономических эмигрантов в Греции.

Опубликованный в альманахе «Второй Петербург» рассказ «Щепки» о психологических проблемах врачей во времена острого больничного дефицита имел ошеломляющий успех.

Основной акцент большинства произведений Валиды Будакиду это желание разрушить сформированные стереотипы читателя, а так же тема ассимиляции иностранцев на новых местах обитания. При этом у неё полнейшее непризнания никакого рода табу, ровно как обычаев и традиций; неприятие законов и базисов построения общества. Очень серьёзные и актуальные темы, поданные в сатирической и юмористической форме. Участница многих международных литературных встреч, конференций и Всемирных конгрессов.

Участие и съёмки в роли главной героини в шокирующем телевизионном реалити-шоу одного из Украинских каналов внесли совершенно новую струю в манеру излагать свои мысли, а так же скорректировали и сами и без того её абсолютно нестандартные мысли. Именно поэтому в газете «Омония» под Валиду Будакиду была открыта новая рубрика «Особое мнение».

Творчество Валиды Будакиду широко освещалось в греческих СМИ, а скандальные статьи часто подвергались критике.

Джулия Тот

Книги Валиды Будакиду

«Улыбка с прикусом Эллады». Повесть.

Афины 2004. Ксенос типос.

«Гречанка русская душой». Сборник рассказов.

Санкт-Петербург 2011. Алетейя.

«Буковый лес». Повесть.

Афины 2012. Ксенос типос.

«Больше чем реалити». Повесть.

Афины 2012. Ксенос типос.

«Город под звездами». Повесть.

Санкт-Петербург 2014. Алетейя

Параллельные миры писателя

Вниманию читателя предлагается новая книга известной и давно признанной в литературных сообществах ряда европейских стран писательницы Валиды Будакиду (*Фриды Хофманн*), проживающей сейчас в Греции. Несмотря на данный факт, книга являет собою один из интереснейших образцов современной русской прозы.

Современные прозаики, пишущие на русском языке (впрочем, и на иных языках), всё чаще предпочитают строить повествование от первого лица, чем достигается впечатление наибольшей искренности и достоверности разворачиваемого сюжета.

Неискушённые читатели зачастую воспринимают данный литературный приём как бесхитрое изложение событий личной жизни автора, однако это далеко не так, хотя всё пережитое писателем так или иначе вкладывается в его произведение.

В ключевой повести «Буковый лес», давшей название всей книге, несомненно, угадываются (*но к ним не сводятся!*) некоторые факты биографии автора.

Мастерство же писателя проявляется здесь в чётком выстраивании сюжета и в показе последовательного душевного развития лирического героя – героини! – Книги, начиная с подросткового периода с его неизбежными комплексами, с первой влюблённостью (*пронесённой, как окажется в конце, через всю жизнь*).

В психологически точном анализе процесса взросления, сопровождаемом знакомыми каждому из нас периодами неприкаянности души – и совершенно неожиданный выход из этой неприкаянности.

В заключительной части повествования прекрасно воплощение этого состояния – тоска по чистому прохладному снегу. Но выход находит наша «гречанка, русская душой», не в среднерусских белоснежных берёзках (*между прочим, они так же белы и в Канаде!*), а в заснеженном буковом лесу близ трагедийного Бухенвальда, недалеко от Веймара, знаменитого достойными поклонения прежними его обитателями.

Наряду со всем упомянутым выше, неизбывная и по-человечески очень понятная женская мечта о семье, о собственном – как игрушечка! – Домике с мезонином, о положении жены и матери – совсем не такой, как мать героини...

Вторая часть повести это продолжение – «не продолжение». Она повествует о дальнейшей судьбе главной героини, хотя вполне читается совершенно отдельно.

Во второй части Валида Будакиду (Фрида Хофманн), оставаясь верной своей, совершенно индивидуальной, свойственной только ей манере изложения, снова поднимает очень серьёзные вопросы о процессах разложения, происходящих внутри общества в результате его религиозной деградации.

Телевизионное реалити-шоу, в котором главная героиня приняла участие, прямо во время съёмок выходит из под контроля и становится «Больше, чем реалити».

Замечателен стиль и русский язык повествования – сочный, образный, живой, не поверишь, что автор две третьих лет своей жизни живёт далеко от России, в самой глубине Европы. Читатель, без сомнения, оценит также искромётный юмор, как и сатирический взгляд писателя не только на окружающих, но и на саму себя.

Проза Валиды многопланова, углубление в «параллельные миры» автора не может оставить равнодушным ни одного из читающих эту книгу.

Александр Новиков, член Союза писателей России, профессор

Автор. Фотография Виолетты Синельщиковой.

Буковый лес

Повесть

– Всё, мам, я пошла, – Линда топчется в коридоре, переступая с ноги на ногу. Коридор тёмный потому, что проходной, и туда стекаются двери из трёх комнат – родительской спальни, столовой, «детской комнаты» и туалета. В самом конце коридора на стене висит большое прямоугольное зеркало, к которому Линда старается стоять спиной. Линда ждёт. Она твёрдо знает – всё равно мама сейчас, прежде чем дать отмашку, эффектно протянув паузу, скомандует не терпящим возражений голосом и почему-то на вдохе: «Иди сюда! Покажи-и-иись! Зайди, слушай, в комнату, я сказала!» Чтоб войти в комнату надо всё-таки развернуться к своему ненавистному двойнику лицом. Можно, конечно сделать вид, что ничего не видишь, прищуриться, и, не рассматривая себя, шмыгнуть в дверь к маме. Но обычно это плохо получается, и взгляд, как не шурься и не коси, скользит по отражению перед носом. «Ну почему это старое зеркало так растягивает в ширину?! Скорее всего, стекло уже пошло волнами и кривит.

Не могу же я, правда, быть такой?! Всё кривит как в «комнате смеха»! Вот и в парке есть «комната смеха». Линда её обожает, потому что там все равны, все смеются, и никто не замечает, какая она, Линда толстая. Линда с грустью ведёт по зеркалу пальцем. Обидно... очень обидно... родиться один раз и быть такой...

Линда в раздумье стоит перед зеркалом. Мама ждёт. Линда всей кожей чувствует, как мама ждёт. Мама сердится. Сейчас будет скандал, но она всё равно не торопится войти к маме в комнату.

Как всё-таки присутствие Линды может портить пейзажи на фотографиях или виды новой ширмы на платяном шкафу в коридоре! Именно поэтому она любит фотографировать просто пейзажи, где никого нет, или, по крайней мере, нет её – полянку, цветочную клумбу, какое-нибудь интересной формы дерево. А ширма на шкафу за спиной?! Такая красивая расцветка! Родители где-то достали эту диковинку из-под полы. Три дня ходили в магазин «Ткани»! Для нас с Юзей старались. Мама с папой всегда для нас стараются. Как они любят говорить? «Всё, что у нас есть – ваше! Мы живём для вас!» Вот и занавеску к шкафу, наверное, купили, чтоб нам было приятней входить в дом. Если бы в зеркале отражалась просто занавеска без меня, было бы ещё приятней и гораздо уютней. А если бы я была худая и жила в другом городе, я бы из такой занавески пошила себе брюки, или даже не брюки, а целый брючный костюм с таким внизу клёшем, чтоб все спрашивали «сколько сантиметров?» Сейчас все носят брюки клёш, и очень модно спрашивать: «А, у тебя сколько сантиметров?» Все знают, сколько у них сантиметров, потому что, чем больше, тем круче.

Мама вся в нетерпении. Линда уже слышит, как мама сопит. У мамы «коронарная сердечная недостаточность» и, несмотря на то, что маме очень нравится название её болезни и мама ею гордится, она, когда злится, всегда сопит. Линда знает, что сейчас мама, отложив «Литературную газету», уже приподнялась и почти села в гостиной на диване. Теперь мама резким, угловатым движением возьмёт со стола очки и наденет их на себя, от чего её лицо станет ещё строже, а глаза меньше и колючей. Сейчас мама будет пристально рассматривать Линду в упор, как если бы смотрела на затрапезную сцену с плохими актёрами.

Линде под этим острым и каким-то нездорово странным взглядом ужасно не по себе. Хочется сморщиться, стать очень костлявой и худой. Кажется, что костлявые и худые не выглядят так вульгарно и пошло, потому что у них нет сисек и при ходьбе ляжки не трутся, и в целом, когда говорят о костлявых и худых, вроде меньше вспоминают об их половой принадлежности. Даже могут говорить не как о «девочках – будущих матерях», а как просто о людях. Линде же кажется, что всё время, когда говорят про неё, все только и думают, как она выйдет замуж

и будет рожать детей. А может, даже себе это представляют. До чего бы Линде хотелось быть невысокой с торчащими рёбрами и в ситцевом платье. Тогда было бы не так стыдно стоять перед мамой в кримплене, выставяющим напоказ все её архитектурные излишества.

– Причешись! – Это мама говорит просто так, для проверки связи, потому, что тоже знает, что Линда скажет: «Я уже причёсывалась!». Это каждодневный, обязательный ритуал. Тогда мама, быстренько построив терцию выше, «парирует»:

– А ты ещё причешись! С тобой что-то случится?!

Линда согласна – ничего не случится. Но вовсе не в этом дело, дело в том, что она уже при-чё-сы-ва-лась! Она, молча, стоит около ненавистного зеркала и медленно возит редкой расчёской по голове. Волосы электризуются, склеиваются, и голова становится похожей на прилизанный футбольный мяч.

– Причесалась! – Линда всё стоит в проёме двери.

От маминого оценивающего взгляда ничего не ускользнёт:

– У тебя плохой лифчик! – Мама внимательно рассматривает Линдину грудь. Линде кажется, что мама приценивается, что она не смотрит с расстояния четырёх метров, а медленно ощупывает её своими пальцами, как бы выискивая, то ли комочки, то ли вмятины. Мама так делает, когда ставит дрожжевое тесто, и потом запускает в него руку, чтоб лучше перемешать.

– Почему лифчик «плохой»? У меня и вчера был тот же самый.

– Ну, значит и вчера был плохой! – Мама просто в шоке от Линдиной тупизны, – значит, иди, сними и переоденься, – мама разочарованно сдёргивает с себя очки. Занавес. Первое отделение закончилось практически провалом спектакля под громкий свист публики.

– Неужели ты себя в зеркале не видишь? Посмотри, как у тебя всё висит! Ты же не в лес идёшь? – Мама говорит укоризненным тоном, постепенно входя в раж. Скорее всего, «Литературная газета» была скучной, и маме теперь очень хочется поговорить. – Ты же не в лес идёшь, – повторяет мама, – ты же идёшь в стоматологическую поликлинику, а там работают культурные люди. И нас там все знают. Ты идёшь через весь город. Неужели тебе не стыдно? Тебе не стыдно, так ты хоть о нас подумай! Нас пожалей! Меня с папой вообще весь город знает! И знают, чья ты дочка! А ты ходишь, как лахудра! Всё висит, и, вот что ты опять на себя надела?!

Линде тошно и противно. «Всё», которое «висит» – это что? Неужели мама не может сказать слово «грудь»? Или какие-нибудь несчастные «сиськи»? Опять «прилично» – «неприлично», «принято» – «не принято», «можно» – «не можно»... Вся жизнь одно и то же! Безоговорочно, безоглядно – «это так», а вот «это» не так, и никто, даже собственные родители, которые безусловно причисляют себя к культурным людям и элите Города, не хотят задуматься – почему? Почему что-то совершенно ненормальное и безумное можно, а то, что всего лишь необычное – нельзя? Чем-то же должны объясняться все эти «обычаи» и «законы». Как мама говорит: «Такой закон!» Откуда он такой?! В конституции СССР, что ли прописан?!

Да, нет! Нет там ничего про «плохие» и «хорошие лифчики», нет ни одной строчки про запрет на употребление слова «грудь». Линда сама из принципа всю эту конституцию два раза перелопатила, но нигде не нашла, почему женщинам в их Городе нельзя носить брюки якобы у неё «всё выделяется».

Ладно, пусть так. А, что в таком случае «выделяется», когда смеёшься в голос? Почему нельзя смеяться в голос? Почему надо улыбаться и прикрывать при этом рот ладошкой? Другое поведение, не то чтобы неприлично для девушки, гораздо хуже, оно вызывающее! Её могут причислить к «испорченным», а родителей перестанут уважать. Такое поведение вообще может навредить всей семье в целом.

Зато мужчины могут и очень громко смеяться, и ходить по общему двору в одних спортивных штанах без маек, почёсывая при этом свои огромные волосатые животы. Они могут напиваться до освинения и всю ночь горланить заунывные песни. Почему мужской волоса-

тый живот и тренировки, демонстрирующие пах прилично? Почему говорить «висит» прилично, а слово «грудь» – неприлично? Столько всяких «почему», у Линды вся жизнь сплошные «почему». Но про «грудь» и «висит» это всё явно не мама придумала. Это слишком много и утончённо. Это, как мама говорит, «у нас так принято»... в Городе, в республике. Да, видно кто-то, когда-то и очень давно принимал ещё в древние века, и оно, это «принятое» так понравилось и прижилось, что даже генерал Ермолов в своё время ничего с этим не мог поделать.

Только мама почти всегда говорит «как принято», а сама делает так, как хочет. Она и слова употребляет, какие хочет. Например, «одела», а не «надела». Со стола после еды не «убирают», а «опорожняют». Лампочка – «плафон»; сапожки – «сапашки». Одним словом, у неё вообще совершенно свой русский язык.

Мама очень любит петь, но она никогда не хочет запоминать слов и всегда поёт по-своему:

– Стою на полустаночке... В огромной синей шапочке...

– Мамаааа!!! – Линда бросает уроки, – Не в «огромной синей шапочке», а в «цветастой полушалочке»!

– А тебе какое дело? – Мама искренне удивлена, – Как хочу – так пою! Мало того, что всякие глупости пишут, а я пою и ещё должна их запоминать. Можно подумать, это Муслим Магомаев поёт, – мама понижает голос, – «Ты моя мелодия!» – Было б что запоминать. Какие-то глупости про полушапочку.

– Полушалочку! Ну, так ты и в «Мелодии» поёшь: «Что тебя заставило уе-ехать от меня скорей?!» вместо...

– Слушай! Пошла отсюда! – Мама начинает не на шутку разъяряться, – что ты лезешь, не понимаю? Ты что, все уроки уже сделала?!

Скучно! Линде невыносимо скучно! Тоска наступает на горло своим немецким кованым сапогом, и слышно как под его тяжестью хрустит гортань.

«Уроки» это железный довод... это козырь, это джокер, это туз за ухом... Нет! За обоими ушами! Против слова «уроки» бессилён всемирный катаклизм. «Уроки» – единственное, что интересует маму даже больше лифчика, который «плохой». При «уроках» глагол «висит» блекнет. «Уроки» – это всегда убойно. Когда Линда, как мама говорит «забывается», вся её горячность гасится пожарной пеной, синтезированной из слова «уроки», потому что отличная учёба в школе, «пятибалльный аттестат» и поступление в институт – единственное оправдание самого существования Линды на Земле.

То есть, она обязана стать гордостью родителей, примерной ученицей, которая скоро станет студенткой. Тогда окружение и уже родители, конечно, ей простят, что она «девочка». У неё с дипломом об окончании ВУЗа несколько уменьшится количество обязанностей и появятся некоторые права и привилегии. Мама любит говорить об «абитуриентстве», «целевой направленности» и «знаковой харизме». Всё это по отношению к Линде. Ещё много чего говорит мама, потому что она – преподаватель русского языка.

Она действительно знает очень много разных слов, в том числе, и иностранных, поэтому считает себя очень образованной, а значит её речь – образец для других. То есть, все вокруг должны внимать ей и «перенимать», как она говорит, «манеру поведения».

А ещё у мамы есть «Медицинская энциклопедия» – однотомник зелёного цвета 1956 года выпуска с вазой и вскарабкавшейся на неё змеёй на обложке. Именно благодаря этой энциклопедии – бездонного кладезя народной мудрости 1956 года, мама черпает бесконечно заумный «лексикон» и всем подряд ставит медицинские диагнозы. Если кто-то осмелился усомниться в правильности поставленного мамой диагноза и говорит, что врач назначил другое лечение, мама очень возмущается:

– Да! Много они понимают, эти врачи! Я давно сама себе врач! Я же лучше знаю что говорю, не правда?

Но зубы мама лечить не умеет. Вот тут-то она и подкачала. Или, скорее всего, умеет, но у неё нет этого «специального раствора», который замешивают на стекле, а потом закладывают в зуб и «бормашинки» тоже нет, «вот этой штуки, которая делает „тр-тр“». Поэтому теперь Линде как всем «бродягам», придётся топтать в поликлинику и, главное, действительно через весь город. Надо гладить юбку, потому что в «домашней» за порог не выйдешь. Домашняя такая изодранная, что вполне могла бы сойти за реквизит для какого-нибудь фильма про партизан, в «приличной» дома ходить нельзя, потому что мама всегда говорит: «если у тебя нет старого, то не будет и нового!» Это к тому, что дома юбка «износится», а вещи надо беречь.

Теперь вот придётся переодеть лифчик, потому что мама говорит, что этот – «плохой». Чем он «плохой»? Лифчик как лифчик. И вчера был этот, и позавчера. Можно подумать, что ей покупают какие-то заумные «анжелики» с крючком впереди, как у Наташки из её класса. Наташке хорошо – её родители развелись и теперь обе бабушки её балуют: то одна подкинет денег, то вторая. Вот Наташка и насобирала нужные деньги на лифчик – аж целые 25 рублей. Теперь она ходит в нём в школу каждый день и всем девчонкам показывает в женском туалете, какой он красивый: маленький кусочек настоящей болгарской капиталистической жизни, с каким-то тонкими, словно паутинка, кружевами и бантиком прямо над крючком посередине. На Наташку всегда, что не одень – всё красиво.

А чего Линде? У неё обычный атласный голубой лифчик за три рубля сорок копеек, купленный в отделе «галантерея» прямо через стенку от «Книжного магазина» на площади Ленина. Как-то выручает и ладно. И по большому счёту, Наташка худая, и ей всё идёт, а Линду только такое монументальное сооружение за три рубля сорок копеек и сможет выдержать. Лифчик, как лифчик, если не показывать его в школьном туалете, то какая разница с бантиком он, или нет? Кто его там внутри видит? Надо просто стараться не носить трикотажные вещи сверху, потому что они, как бы обтягивающие в некоторых местах, и тогда грудь кажется ещё больше, ещё больше – это ещё стыднее.

Тут без трикотажа просто перемещаться в их Городе по улице – большая наука, этому специально учиться надо. Вот, к примеру, если ты идёшь одна, надо идти очень близко к стенке, немного ссутулившись, потому что так грудь кажется меньше, и смотреть надо обязательно под ноги. Если идёшь по-другому, прогулочным шагом и, разглядывая витрины, это означает, что ты – «свободна», никуда не спешишь и с тобой можно познакомиться.

Тут уж обязательно привяжется кто-то из прохожих мужского пола – в спортивных штанах, туфлях и пиджаке и будет стараться с тобой заговорить всю дорогу или хватать за руку, пока не вопрёшься в чужой подъезд, делая вид: «Я тут живу! И вообще сейчас позову папу!» Но, на самом деле настоящего папу лучше не звать, потому что это будет грандиозный скандал, и от папиного: «Ти винавата!» Линду уже тошнит. То есть, что бы ни случилось, «виновата» она.

Линда виновата всегда, во всём и везде, потому, что у папы и мамы есть железный довод: «Зачем туда пошла»?! То есть, чтоб дойти спокойно без приключений до пункта назначения – взгляд потупленный, походка быстрая, передислокации – у стенки и мелкими перебежками. Взгляд в целом желательно поднимать только когда переходишь через дорогу, чтоб не попасть под машину. Хотя и тут рискуешь. Машина может остановиться прямо на проезжей части и, высунувшийся в окно по пояс, жизнерадостный водитель будет убедительно и настойчиво приглашать сеть к нему на переднее сиденье, чтоб «падвезти»...

Да, мама права! Надо быть очень осторожной, ведь правильно сходить через весь город в стоматологическую поликлинику, не опозорив ни себя, ни всю семью – это ещё не каждая сможет. Тут ко всему ещё присутствует весовой расизм. Всё у той же Наташки, с дорожкой «анжеликой» в кружевах под школьной формой, гораздо больше шансов дойти вовремя и просто полечить зубы, потому что Наташка, как мама говорит, «худая и невзрачная», а на Линду все обращают внимание потому, что она «яркая» и «бросается в глаза».

Да, Линда, действительно очень яркая. Её никто никогда ни с кем бы не спутал. Мама считает её очень красивой и гордится тем, что на неё на улице смотрят.

Ещё как смотрят! Со стороны Линда похожа на взрослую женщину, располневшую мать семейства, но удивление и сомнение в её «порядочности» вызывает причёска. Линда со своей фигурой пожилой женщины, почему-то не с традиционным заколотым на затылке пучком тёмных волос, а с короткой стрижкой «под мальчишку», как требовала мама. Волосы жидкие и тонкие, разлетаются во все стороны при первом же дуновении ветерка. Тогда голова напоминает брошенное птичье гнездо, в котором уже давно вывелись птенцы и покинули его за ненужностью. «Чтоб шея была открытая!» – Так говорит мама, и проводит по своей шее тыльной стороной ладони, как бы легко приподнимая свои несуществующие волосы.

Линда не хочет лишних дебатов и поэтому стрижётся какой-то «лесенкой». Её овальное, с большими щеками лицо тогда становится ещё круглее, а красные прыщи на лбу делают лицо похожим на винегрет. Но мама уверена – Линде все завидуют, вот и косятся. Линда тешит её самолюбие своей монументальной степенностью – почётным приоритетом настоящей женщины востока. Тем не менее, такие мелочи, как «плохой лифчик» могут испортить совершенно завораживающую картину шестивия «восточной красавицы» в стоматологическую поликлинику, и мама любит, как она говорит, чтоб «всё было красиво».

Поэтому она по миллиметру рассматривает Линду каждый раз, словно в общей бане среди мыльных тел опытным глазом выбирает себе невестку. Линде в такие минуты кажется, что она похожа на кусок говядины, висящий на огромном крюке в мясной лавке, а усатый мясник в кровавом халате с маминым лицом тычет этот кусок в нос покупателю и крутит во все стороны, расхваливая достоинства и прикрывая пальцами недостатки.

Брату Юзе жить легче. Он младше Линды на два года и очень удачно попал в школу Олимпийского резерва. Дома его практически не бывает, они с Линдой уже почти совсем не видятся и не ссорятся. Они выросли из очень разных яйцеклеток, поэтому у них разные взгляды на жизнь.

Линде скоро исполнится шестнадцать лет. Родители, абсолютно уверенные в её гениальности, отдали Линду в школу гораздо раньше, и все годы учёбы любили этим щеголять при каждом удобном и неудобном случае. У Линды пух над верхней губой, чёрные бакенбарды и непривычное для слуха имя «Линда». Не то, чтобы её так назвали в честь легендарной жены Поля Маккартни из группы «Битлз». Мама про существование «Битлз» вообще даже не подозревает. Мама не уважает эстраду. Она любит классику. Она делает вид, что автор «Жизели» Адан – её сводный брат по отцу. Назвали же Линдой просто так. Потому что никого так не зовут. Спросить маму – «оригинально и красиво». Спросить Линду – тупо и вычурно.

Она через три месяца закончит школу. Через три месяца она уедет из этого Города, потому что будет поступать в институт! Неважно, в какой, неважно зачем, самое главное – она больше не будет тут жить! Она будет жить в другом городе, очень далеко отсюда, ходить по улицам медленно и смотреть по сторонам, на витрины и перед собой. А может быть даже если ей где-то в новом городе понравится, она сядет там на лавочку и будет просто одна сидеть сколько захочет! И никто в ту же секунду не подсядет и не будет сперва молча смотреть ей на бёдра и на сиськи, а потом, вальяжно положив ногу на ногу, закидывать руку сзади на спинку скамейки. И больше никогда она не увидит этих усатых дядек с масляными глазами, так и не научившимися в своей речи правильно употреблять местоимения «он» и «она».

И ещё... и ещё, скорее всего, она будет жить в общежитии, где будет много разных ребят – её ровесников. Она обязательно будет со всеми дружить и куда-то ходить вместе, хотя в их Городе это «не принято». Девочки должны сидеть дома, чтоб их никто не «задел», а мальчики, со стороны похожие на толпу агрессивных, не выпавшихся шакалов, рыскать по улицам в поисках приключений. И ещё у неё в общежитии будет балкон. Обязательно будет балкон. Не «застеклённый», превращённый в кладовку для маринованных огурцов и санок, а боль-

шой, открытый, с голым небом, столиком и петуниями в горшках. Петунии будут двух цветов, например, белые и красные. Тогда проходим издали будет казаться, что весь балкон покрыт розовой пеной. А если ей не дадут общежитие, то она посадит цветы на балконе домика, который будет снимать. Так она даже знает, каким будет этот домик. Она знает, потому что он у неё уже есть – маленький, светло-серый с высокими деревянными воротами, и весь в цветах. Его Линде подарила тётка – мамина двоюродная сестра. Точнее, тётка подарила целый макет, но оставить себе удалось только домик.

Тётка приезжала редко. Она раз в два-три года заскакивала к ним на денёчек и почему-то всегда была «проездом». Линде страшно хотелось, чтоб она осталась у них, ну хоть на немного подольше, посидеть с ней, поговорить, но тётка всегда куда-то очень спешила. Она за один день ухитрялась полностью перебить их семейный уклад, разрушить годами накопившиеся «ценности». Тётка громко пела и очень громко смеялась. Она снимала с пальцев многочисленные золотые кольца и «разбрасывала» их по квартире. Мало ела, говорила что-то абсолютно безумное, рассказывала, что «не хочет поправляться!» Одним словом, вела себя крайне вызывающе и поэтому, когда она уезжала, мама перевязывала лоб платком и говорила что у неё от этой ненормальной сестры «вышли мешки под глазами». Так вот эта же тётка привезла и подарила Линде не новую белую коробку, на которой был нарисован паровоз и что-то очень выразительно написано по-немецки. Линда узнала этот язык по двум точкам над одной буквой.

– Извини, Линда, – тётка с какой-то бездумной радостью заглядывала ей в зрачки, – извини, что не придумала ничего другого, но Раф вырос и не играет этой игрушкой. Я подумала – она не новая, но может тебе понравится? – Тётка продолжала без зазрения совести оригинальничать. «Хотя, – вдруг радостно подумала Линда, – может ей просто нравится злить маму? Причём у неё это неплохо получается!»

– Я всегда знала, что ты ненормальная! Мама на этот раз не стала дожидаться отбытия тётки, перевязала голову платком и «выпустила под глаза мешки» прямо при ней, – зачем молодой девушке паровоз?! Ты сейчас думала, что делала?

Тётка смотрела на маму бессовестным зелёным взглядом и глупо, но очень жизнерадостно щёлкала рыжими ресницами.

У тётки тоже была дочь, старше Линды на семь лет. Линда сама однажды слышала, как мама и тётка кричали на кухне, обзывая друг друга разными словами, и мама говорила, что «никогда не поверит», зная, что тётка сама «распушенная», значит и её дочь «не очень-то вообще-то», и что они обе выходили замуж «нетронутыми девушками». На что тётка, видимо, оскорбившись за дочь, отвечала, дескать, ещё неизвестно, возьмут ли Линду замуж вообще при такой ненормальной мамаше!

Так с мамой могла говорить только старшая сестра...

– ... Она должна думать, как будет жить дальше, – мамин голос вернул в действительность и принудил философствовать о делах насущных, а не о потерянной девственности пятидесятилетней тётки, – она должна думать, как будет учиться в ВУЗЕ! – Мама уничижающе посмотрела на двоюродную сестру, потому что её дочь мало, что вышла замуж «не девушкой», так даже в «ПТУ на сварщика» не поступила, мама так и кричала: «На сварщика!», – Она причитала: «Моя Линдочка должна на „отлично“ закончить школу, понимаешь?! Получить диплом! Должна уметь себя блюсти и быть целомудренной, а ты припёрла в подарок девушке идиотский локомотив! Зачем он ей, спрашивается?!»

«...Ага ...Ага, – Наслаждалась Линда, – твоя дочь кроме института должна думать, как выйдет замуж и будет детей рожать...» И вообще Линда всегда восторгалась привычке мамы говорить в её присутствии о ней же в третьем лице, как о чём-то, то ли постороннем, то ли неодушевлённом, как если бы она была каменным истуканом.

– Думать, как исправить оценки по математике, как научиться за собой ухаживать... купаться вовремя, – мама декламировала с большой душой и проникновенно, – носить тёплое бельё, смотреть за собой как за будущей женщиной-матерью...

...Усатый мясник с маминым лицом... мясо на крюке и волосатая рука, машущая топором... Всё для покупателя! Подходите, выбирайте!

– ... А ты – этот драндулет в коробке!!! Подарила бы девочке духи, ну, или не знаю там, чулки... книгу какую-нибудь... Нет, я тебе это никогда не забуду! – Мама с видом оскорблённой невинности развернулась на тапочках и, зацепившись носком за угол ковра, прошествовала на кухню.

– Ну, хорошо, ну! Хватит! – Тётку начинают терзать муки совести. Тётка не рассчитывала на такую степень психоза. Она бросает белую картонную коробку на стол и идёт за мамой. Дверь на кухню с силой захлопывается. Сейчас они там будут что-то друг другу интенсивно доказывать, кричать, может разобьют пару чашек, потом помирятся и вместе сядут пить чай.

Мама – «порядочная и честная» семейная женщина, при муже и двух «прекрасных» детях. Тётка – дважды неудачно замужняя, сейчас при каком-то «Жоре».

Дамы громко доказывают друг другу свою правоту на кухне.

Наконец-то дверь в кухню плотно прикрыта и в «гостиной» никого нет!

Линда осторожно, как если бы в коробке были подтаявшие пирожные, медленно приподнимает крышку...

Существуют параллельные миры? Да, пожалуй... Скорее всего, существуют. А кто их видел вправду? Нет, не слушал страшные байки про «чёрный-чёрный гроб», шёпотом рассказанные в комнате без взрослых, когда прямо чувствуешь, что от липкого страха расширяются твои же зрачки, а именно сам видел этот мир? Кто видел другие миры, тоже параллельные, но которые не с приведениями, а которые действительно есть на Земле? В которых тоже живут люди. Только это другие люди. С первого взгляда они немного похожи на людей, которые живут в одном городе с Линдой. Они тоже ходят на работу, ночами спят, в полдень обедают, принимают душ, купаются в море, растят детей. Но, что они одинаковые, кажется только с самого начала.

Оказывается, на самом деле, это совсем другие люди! Странные такие, как инопланетяне! Их женщины могут безудержно и заразительно смеяться прямо посреди улицы, мужчины не стесняются при всех их обнимать за плечи, даже целовать, и никто не думает, что эти женщины «испорченные». Они могут за столом вместе с мужьями пить пиво и некоторые даже умеют курить. Мужчины и женщины ласкают своих детей, они не кричат на них и не ругают постоянно.

Да ещё мужчины могут сами ходить с детьми на прогулку! Без женщин. Просто взять своих детей и пойти с ними гулять. Они не будут стесняться, что встретили знакомого, и теперь весь Город узнает, что он «не мужчина», а настоящая «баба», потому что не пьёт с мужчинами, а гуляет с детьми! Так ведь и дети у них странные. Они не висят голыми на чужих абрикосовых деревьях, лысые и в зелёнке, с удовольствием грызя маленькую, размером с изюм, кислую завязь.

Они не рвут цветы на газонах, а даже поливают их, что-то вырезают из цветной бумаги и делают аппликации. И девочки вообще не стесняются, что они родились девочками, они пищат и капризничают, чтоб их приласкали. Ещё в этом параллельном мире есть дома. Ах! Какие в этих параллельных мирах дома! Маленькие, совершенно кукольные домики с деревянными балконами, с которых свешиваются цветы под смешным названием «петунии». Петунии в узких, длинных горшках перемешиваются друг с другом, как акварели и очень сильно пахнут, но только ночью. Домики с клумбами и дорожками из белого камня, с вышитыми занавесками под резными наличниками. Линда вспомнила о новых «девятиэтажках», где лифты

не работают, потому что шахты доверху забиты отходами, и её мутит от вони, которую издаёт гниющий мусор.

У тех, у странных людей есть праздник, и Линда об этом твёрдо знает, это совершенно загадочный праздник, который называется «Рождество». Когда оно, это самое «Рождество» приходит по календарю, никто вокруг не знает, в Городе, да и в стране его не празднуют, но все говорят, что этот праздник всё равно что наш Новый год, но не такой интересный.

Да! Новый год, это, безусловно, сказка!

Под Новый год даже Город стараются приукрасить – на высокую сосну около горсовета вешают гирлянду из, крашенных масляной краской, разноцветных лампочек и кладут куски матрасной ваты. В прошлом году написали на красном полотне белой зубной пастой и повесили на сосну полотно: «С Новым 1979 годом!» К вечеру вместо снега пошёл дождь, и зубная паста потекла. Наверяд ли, у тех, в параллельном мире есть транспаранты из зубной пасты. Значит, это неправда, что на Рождество у них некрасиво.

Линда представляет, как тихо подходит к заснеженному окошку с желтоватым, тёплым светом, встаёт на цыпочки и осторожно заглядывает в него. Она видит нарядную ёлку и блестящие коробки под ней. Целая куча разных коробок – больших, маленьких, опоясанных разноцветными яркими лентами, как на картинках в детской книге.

Конечно, как говорит мама, подобные коробки – «мещанство и признак дурного тона», но... но так хотелось бы хоть разочек увидеть... просто увидеть такую широкую ярко-красную ленту от подарка! Ну, и пусть это «мещанство»! Хотя, по мнению Линды, подарки, даже завернутые в газету, тоже получать очень даже приятно... И всё же, хоть разочек... один бы только разочек взглянуть на такую ёлку со свечами... И ленты, наверное, атласные и блестящие...

Ой, – сама с собой смеётся Линда, – я сейчас подглядываю в чужие окна, как андерсеновская «Девочка со спичками!» Это же сказка! Глупости какие-то! Наша страна – лучшая в Мире! Мне что – подарков мало?! У меня всё есть! И всегда было! Вот если бы только ещё можно было спокойно стоять в очереди за хлебом, и сзади бы никакой дядька не тёрся об тебя, а когда повернёшься, чтоб посмотреть, чего ему там сзади надо, не делал бы вид, что очень внимательно рассматривает в окно гастронома такой архитектурный шедевр, как здание с забитой лифтовой шахтой напротив, было бы вообще замечательно и без этого буржуйского Рождества.

Не, правда, лучше бы в тёткиной коробке были пирожные! Да и пусть растаявшие, зато привычные, не будоражащие душу «шу» или «эклеры» с коричневой, ужасно сладкой подливкой сверху, которую Линда всю жизнь отколупывала ногтем и выбрасывала. Она знает, что такая подливка называется «глазурь», но ей не нравится это слово, похожее на «всевидящее око». Она её терпеть не могла. Когда Линда была маленькой, ей казалось, что «глаз-урь» за ней всё время из коробки подглядывает.

А тут под крышкой – железная дорога! Совсем как настоящая, но очень маленькая: чёрный с красным живой паровоз и к нему в комплект – настоящие вагончики разного цвета – длиннющий товарняк – коричневые, чёрные, тёмно-зелёные. Собранные, казалось бы, под микроскопом, с нереальной немецкой скрупулёзностью, с мельчайшими деталями. Настоящие, настоящие, живые и работающие. Вот и рельсы, и пульт управления. А вот на пульте приклеенная бумажка всё для того же выросшего Рафа, не владеющего немецким языком – «задний ход». Это же целая замечательная деревня с окрестностями. Тут есть несколько деревьев, мостик, и тут же...

Линда поднесла маленький пластмассовый домик к носу и закрыла глаза. Она была уверена – это он, тот самый, знакомый домик. Петунии на балконе должны пахнуть! И в самом деле... В самом деле, в ту же секунду она ощутила совершенно восхитительный аромат. Нежный и тонкий, как китайский шёлк... или как застывший в воздухе финальный аккорд органа...

Это пахли, посаженные хозяевами домика, цветы. Только почему белокурая леди и высокий господин посадили на своём балконе одни белые? Ведь если посадить белые вперемешку с красными, то издали покажется, что домик залит розовой пеной.

Линда схватила домик и, заскочив в «детскую» комнату, уселась за письменный стол. В ящике лежали фломастеры. Выбрав красный и поярче, она, высунув кончик языка от усердия, стала пририсовывать недостающие красные цветы. Получалось безумно красиво!

– Ты что делаешь? – Мама почти вплотную подошла совершенно бесшумно. Где она так научилась ходить? Или они с папой специально по всей квартире настелили ковры и коврики, чтоб легче было Линду «контролировать»?

– Я? – Линда резким, давно отработанным движением живота, задвигает ящик письменного стола внутрь.

– Ну не я же, – мама уважала остроумие.

– Я делаю уроки! – У Линды чистый комсомольский взгляд и открытое лицо.

– А-а-а... – Мама казалась очень разочарованной. С сестрой своей она уже помирилась, и теперь надо было выбирать, или снова читать «Литературную газету», или отчитывать Линду. Пожалуй, мама выбрала второе, но Линда всё, как обычно, испортила, – давай, давай, делай... так! – Вдруг, словно вспомнив о чём-то очень значительном, взбадривается мама, – надеюсь, ты не собираешься играть, как дурочка этим па-ра-во-зам? – Когда мама хочет вложить особое презрение к чему-то или кому-то, она коверкает слова и меняет ударение.

– Я?!

– Нет, я! Не придуривайся, знаешь!

– Да я просто удивилась, что ты такое спрашиваешь! Мне же к институту надо готовиться! Оценки исправлять... – Линдины глаза очень круглы и по-детски доверчивы.

– Хорошо, что ты это понимаешь! Ну, давай, делай, делай уроки. Только не заставляй меня, чтоб я что-то проверила. А эту дрянь, – мама кивает в сторону салона, – я даже Юзику не покажу. Зачем ему? Он тренируется, ему есть чем заняться. Пусть, когда поедет домой, – мама мотнула головой в сторону кухни, – заберёт обратно.

– Ну, конечно, мамочка! – Линда хлопает длинными ресницами, и её толстое, круглое как блин, лицо растекается в умиленной улыбке.

А может, минуту назад это пахли не петунии? Может, это на домике всего лишь запах духов от пальцев дважды разведённой тётки, которые ей дарит «неприличный» Жора?

До стоматологической поликлиники Линда добралась относительно без приключений, потому что не пожалела пяти копеек. Она прошла через огромный двор пешком, тут же вышла почти к горсовету (здесь останавливать свои машины с предложением «падвезти» может только патентованный дебил), села в троллейбус и проехала две остановки. Правда, сидевший рядом с ней дядька с щеками, небритыми дней пять, всё делал вид, что прямо падает от усталости и причём постоянно на Линду. Он то придвигался, то расставлял бёдра, чтоб коленом прикоснуться к её ноге. Ну, да ладно! Линда привыкла, что просто так никуда не попадёшь. Она культурно отодвигалась и убирала ногу. И чего терпеть-то? Всего две остановки!

Лишь бы с врачом повезло – лучше, если попадёт женщина. Потому что мужчины всегда делают вид, что ковыряют зуб, а сами кладут локоть на грудь и шевелят им там. И Линда не знает, то ли ей больше бояться этого локтя, то ли сказать, мол, уберите свою руку, но тогда дядька – врач ковырнёт глубже в зубе и обязательно сделает больно! А кому пожалуешься? Да никому! Мама скажет что-нибудь, типа того, что это из-за очередного «плохого лифчика», а папа сделает вид, что вообще не понимает, о чём разговор, а если даже случайно «поймёт», то ей же хуже! Тогда её больше вообще не будут выпускать из дому, мама бросится «умирать» – ляжет на неделю на «больничный» и будет говорить, что «львиная доля её болезни – это Линда». «Больная» мама круглосуточно дома всю неделю – это слишком! Так зачем оно надо?! Надо сидеть и думать о чём-нибудь другом.

О том, как например, по утрам в маленьком домике нараспашку открывается окно и в него выглядывает девочка, почти её ровесница. Она худенькая и голубоглазая. Девочка счастливо улыбается лучам солнца, из окна видна опушка леса и зелёное озеро с лилиями. Линда толстая и с чёрной порослью волос на больших щеках. Мама уверяет, что это красиво и, слюнявя пальцы, заворачивает кучерявые бакенбарды в стручок и говорит, что так Линда похожа на «испанку».

Когда Линда была маленькая, она думала, что «испанка» это из сказки Андерсена жирная утка к красной тряпochкой на лапке, которой привели показывать Гадкого утёнка. Конечно, вся её жизнь и будет, как эта сказка про гадкого утёнка. Она, конечно, вырастет, похудеет и превратится в Прекрасного Лебедя, перед которым все вокруг и даже эта девочка из домика, пленённые её красотой, преклонят шею. Они даже не узнают её. Но это будет потом, чуть попозже. Пока же в их Городе тоже есть озеро, но оно всё в тине, и просто так, без папы туда ходить нельзя. В парк без мужчин вообще ходить нельзя. Ни Линде, никому...

У-юй! И что за счастье бывает?!

При звуках фамилии врача у Линды морщится лицо, как будто зуб действительно болит и действительно сейчас.

– Это ваш нови участкови, – усатая регистраторша в маленьком окошечке отрывает палец от списка названий улиц и приписанных рядом фамилий врачей. Она кажется довольной до безобразия, прямо, можно сказать, счастливой.

Линда в шоке! Она не хочет к врачу – мужчине! Да лучше пусть все зубы у неё сгниют! Но маме ведь ничего не докажешь. Если сказать, что было больно и потому, мол, ушла, мама будет ругаться и говорить: «Что, не могла потерпеть?! Не любишь ты напрягаться! Привыкла на всём готовом! Ты же потребитель – тебе же только дай, дай, дай! А подумать о том, что родители после работы усталые и не могут с тобой ходить по поликлиникам, что ты сама давно взрослая и можешь лечиться одна, ты, конечно, не желаешь. А почему?»

Правильно! Потому что всю жизнь только о себе думаешь. Вот и всё объяснение. Потому что эгоистка и хамка. Что, теперь я всё должна бросить и идти с тобой, потому что ты – взрослая девушка и твои зубы должны быть в порядке?!»

Ужас! Снова магазинное мясо на крюке!... Да пусть этот мужик стоматолог хоть всю голову на грудь кладёт, чёрт с ним!!! Это лучше, чем слушать маму.

И всё же Линда пытается сделать ещё одну попытку.

– Ну, мы только недавно туда переехали, мы жили по другому адресу, – она быстро сочиняет прямо на ходу, – мы жили на другой улице, у меня был другой врач.

– Слюши! Живёшь? Всо! Вот анкета, вот номер! Последни! – Дряблая старческая рука высовывается в окошко регистратуры и протягивает Линде двойной листок, прижимая большим пальцем с обломанным ногтем огрызок бумажки, похожий на автобусный билет с номером 13.

«Ну ёлы-палы...» – Линда скручивает «личную карту» из двух листов в трубочку, суёт её подмышку и уныло плетётся по обшарпанному коридору ко «второму кабинету». Именно там сейчас она будет терпеть множество железок в своём зубе, постоянно задевающих за что-то сильно болючее, и ещё ставить врачу очень квадратные и наивные глаза, делая вид, что ничего не происходит, если же и происходит, она ничего не понимает.

В кабинет никто не вызывает. Там врачей этих человек семь-восемь. Длинная такая комната со столами и решетками на окнах. «Ну, это, наверное, для тех, кто хочет от страха выбраться из окна», – тупо, сама с собой шутит Линда, – надо заранее спросить, у кого двенадцатый номер, запомнить, во что этот «номер» одет, а потом, когда он выйдет, зайти, как «тринадцатый», посмотреть, какое кресло свободно. Значит, с него «двенадцатый» и встал. Надо гордо, независимой походкой пройти через длинное помещение на глазах у всего медперсонала и сесть туда.

Независимой походкой пройти будет очень трудно. Все врачи, хоть и работают, но всё равно обернутся, чтоб посмотреть на Линду. Сперва они будут искать рядом с ней ребёнка, а потом поймут, что ребёнок – это сама она. Большая, толстая, с высокой грудью в «хорошем лифчике». Они, конечно, будут делать вид, что всё нормально, что к ним пять раз в день приходят девочки, силуэтом похожие на многодетных матерей, но с совершенно дурацкой стрижкой «лесенкой» и насвистывающие себе под нос.

Но, если резко повернуться, то видно, как они друг с другом переглядываются; медсёстры, так прямо беззастенчиво сбиваются в кучки, о чём-то быстро-быстро говорят и кивают на неё. Ой, да чихать! Линда давно ко всему привыкла. Ведь она так живёт. Это её образ жизни. Сколько себя помнит, всегда так было. На неё смотрели, над ней смеялись, и другого она попросту не видела.

Линда терпеливо сидит в коридоре и рассматривает злобные картинки на стенах. На одной огромный жирный червяк, улыбкой почему-то напоминавший соседку тётю Тину, которая ни с кем во дворе не здоровается, и как только мама вывешивает бельё, начинает интенсивно подметать на верхнем этаже, вгрызаясь в зуб ребёнка. У того было обезумевшее лицо и выпученные глаза, а снизу под рисунком стояла подпись: «И ещё мы вырастем!». «Вырасти» на плакате грозились, то ли окончательно ошалевшие дети, то ли чёрные дыры в зубах, то ли червяки с наглыми улыбками, похожие на тётю Тину...

На другой картинке была изображена страшная рука с сигаретой: видимо, художнику позировала регистраторша с поломанным ногтем. А под рукой красовалась надпись: «Докуривание чужих сигарет увеличивает риск венерических заболеваний!»

Тоска... тоска... Господи! Какая тоска...

Таки надо же спросить у кого двенадцатый номер. Надо его запомнить и проследить, когда он уйдёт.

«Двенадцатый» был так тихо и скорбно, что его практически и не было слышно. Он просто создавал звуковой фон, на котором даже визг бормашины не казался таким злобным. «Двенадцатый номер» уткнулся носом маме в рукав, иногда отрывая обонятельный орган, чтоб вдохнуть поглубже. Тогда бывало видно, как он, этот двенадцатый номер, праведными соплями заполировал до лакового блеска мамину одежду.

Линда ждала долго. «Двенадцатый» всё не выходил.

«Да что этот, как его... – Линда взглянула на номер с фамилией врача, – этот Голунов с ним делает?! Он что, все зубы решил ему перелечить? А может, надо спросить? Заглянуть и спросить? Вдруг он думает, что меня нет, и пошёл курить? Уйти то совсем он не мог, потому что...», – и вдруг её осенила страшная догадка! Да, конечно же, мог! Он запросто мог уйти, потому что я – последняя на сегодня! «Тринадцатый» номер не заходит, может, боится или ещё чего, а четырнадцатого и вовсе нет!

Она рванула к двери. Постучала, конечно. Звук работающих бормашины тише не стал. Да её там просто не слышат! Линда с силой распахнула дверь, резко дёрнув её на себя. Все были заняты и никто в её сторону даже не обернулся. Кто работал, кто просто смотрел в окно. Две санитарки, уютно устроившись на диване, покрытом белой простыней, наверное, наперегонки вязали носки, так быстро бегали их пальцы. «Ну, какой же из себя этот самый Борис Годунов?!» – У Линды от страха и разочарования рябило в глазах. Она уже готова была расплакаться от всего, что сегодня пришлось пережить. Понятно, это просто такая жизнь в этом Городе, всё привычно, ничего гипер, и тем не менее, иногда хочется расслабиться, поплакать, например, как тот счастливый двенадцатый номер.

Она выбрала взглядом женщину с самым добрым лицом, которая по хорошему не должна была начать кричать, подошла к ней и неожиданно даже для самой себя громко, перекрикивая бормашину, спросила:

– Скажите, пожалуйста, а где принимает доктор Годунов?

Женщина убрала ногу с педали и удивлённо посмотрела на Линду:

– Годунов давно отпринимал своё в трагедии Александра Сергеевича Пушкина и умер, а если ты ищешь доктора Голунова, так он недавно ушёл.

– Как «ушёл»? А двенадцатый номер? Он...

– А двенадцатый номер вышел с другой двери, – весёлая доктор с добрым лицом показала на приоткрытую дверь в самом конце длиннющей комнаты, – потому что рот свой так доктору и не открыл. Всё. До свидания. Выход сзади тебя...

От мысли, что она как «уличная» и «бродяга» «прошлялась» полдня неизвестно где и «припёрлась домой с не запломбированным зубом», что «ни черта ей нельзя доверять, и я сейчас позвоню в поликлинику, и спрошу, что произошло?» У Линды в коленках заиграл нарзан! Она хорошо знала это чувство. То есть, сперва нарзан, потом ноги вообще невозможно оторвать от пола, потом надо по стенке сползти и сесть на пол, потому, что идти всё равно уже никуда невозможно и, закрыв лицо руками, плакать.

От мысли, что из-за какого то несчастного Годунова, который умер в трагедии Пушкина и поэтому пренебрегает своими прямыми обязанностями, уходит с работы раньше, не дожидаясь тринадцатого номера, и вообще от полной безысходности, Линду вдруг охватило такое дикое отчаяние, что она вовсе не сползла на пол, ободрав спиной плакат «Докуривание чужих сигарет увеличивает риск венерических заболеваний!» с дурацкой рукой из костяшек, а напротив, собрав всю волю в кулак, и не обращая внимания на удивлённые взгляды, побежала к гардеробу.

В гардеробе было пусто. Только две ноги от колена в мужских туфлях торчали из-под висящего на вешалке белого халата.

Линда сбила бы их, потому что заметила в последнюю секунду. Времени на «сообразить» не было вообще. Надо было что-то сотворить, что-то сказать, чтоб обнаружить своё присутствие. Попросить объяснить ситуацию... ну, сделать что-то в конце концов! И всё равно надежды на то, что какой-то Борис снова облачится в халат, вернётся в отделение и осчастливит себя ковырянием линдиного зуба, не было никакой.

Линда сделала глубокий вдох:

– Вы... вы... доктор Годунов?

Из-за халата донеслось, то ли «да», похожее на «нет», то ли «нет», похожее на «да».

– Я вас ищу, чтобы спросить, чтобы выяснить, вы – член партии? – Линда почувствовала одновременно всеми вегетативными нервами вместе, что это – катастрофа...

– Чего?! – Из-за повешенного халата показались рука и открытый от удивления рот.

Неизвестный медленно оглянулся по сторонам и, не найдя никого другого, уставился на Линду.

Линда стояла дура-дурой, прикусив язык и на редкость внимательно рассматривала свои туфли.

– Чего ты сказала?! – Голос прозвучал гораздо мягче, с какими-то бархатными низкими нотами. Так, наверное, разговаривают с больными или дебильными. В их Городе настоящие мужчины так не разговаривают.

– Вы-и-и член партии?

Доктора, кажется, начинала забавлять сложившаяся ситуация.

– Я – не член, и, что главное – никогда им не буду.

С Линдой, тем более, никогда никто так не разговаривал. Она прекрасно поняла, что Борис Годунов, как его окрестила Линда, шутит, и что в слова «не член» вкладывает именно тот смысл, который вкладывают они в школе на переменках, или когда говорят о самом сокровенном в раздевалке спортзала перед уроком физкультуры. Это было так неприлично! Если бы всё это услышала мама... Линда даже не могла себе представить, что прям сейчас и вот тут

сделала бы мама. Но ещё страшнее было от того, что этот дядька, этот самый Годунов не знал, мама с ней рядом или её нет. И как он не боялся так разговаривать?!

Видимо, поняв, что переборщил и поставил Линду в неудобное положение, Годунов, желая загладить неловкость и смягчить ситуацию, наклонил голову вправо и выпалил:

– Я никогда не могу быть членом потому, что у меня сестра и мама живут в Израиле.

– Что?! – Тут уж Линда, чтоб не упасть, вцепилась в решетку от гардеробной, – что вы такое говорите?!

Нет! Он точно не в себе! «Израиль» – это даже хуже, чем «член»! Нет, он явно сумасшедший! И, слава Богу, что я не попала к нему на приём!

– А что я такое говорю?! – Голос внезапно стал безудержно весёлым. Этот Борис словно упивался Линдиным смущением, – Я сказал: меня в члены партии не возьмут – сестра с мамой живут в Израиле. Знаешь, есть такая страна, называется «Израиль» и живут там одни евреи. Слышала о евреях? Национальность такая есть.

...Да он вообще больной, – Линда перестала сомневаться в его сумасшествии и догадка даже разочаровала ее, – какие «евреи»?! О чём он вообще?! Есть русские, армяне, грузины, узбеки. Вон сосед дядя Миша – узбек. В нашей лучшей стране на всей земле СССР есть пятнадцать союзных республик, гимн даже так и поётся:

– Союз нерушимый республик свободных ну и так далее, а никаких евреев тут нет! Хотя... хотя, конечно, мама как-то шёпотом говорила с подругой по телефону о странных Сурдутовичах, называя их «евреями», но Линда тогда посчитала, что это просто она так обзывается на кого-то. Ну, разозлилась и обзывается. Как если кого называют «цыганом» значит, он – жадный, Сурдутовичи – «евреи», тоже явно что-то натворили. Конечно, есть у них в классе непонятные национальности. Ну, вот русские фамилии заканчиваются на «ова», армянские на «ян», грузинские – это самое лёгкое на «швили» и «дзе», а вот есть у них мальчик со странной, но очень красивой фамилией Разовский... Действительно, а он кто по нации? А ещё есть Маргулис. Но он, правда, русский, потому, что приносил в школу «свидетельство о рождении», и там было написано – «русский». А этот дядька врёт! У него фамилия на «ов», а он что-то специально говорит, чтоб ей запудрить мозги. Может ему что-то надо?! Точно! Он специально так разговаривает, чтоб она тут с ним стояла и сейчас он спросит «который час?», потом скажет «падали мне сваё имя!», а потом предложит подвезти её до дому!

Сейчас, сейчас она ему скажет! Она ему скажет, что хоть он и не член партии, но должен уважительно относиться к комсомольцам, принимать их всерьёз, если что-то им неясно, то разъяснять, и по партийной линии и... и... и вообще!

Линда снова сделала глубокий вдох и посмотрела прямо в лицо этому «еврею»!

Откуда берутся такие голубые глаза? Тоже из другого, параллельного мира, как те белокурые девушки? Когда она была совсем маленькой и ходила в детский сад, то думала, что вырастет и обязательно превратится в Прекрасного Лебедя, глаза у неё обязательно станут голубыми и красивыми... как у этого Бориса. У него густые, тёмные брови, волосы с начинающейся проседью и холодный взгляд, бездонный, безмолвный... почти равнодушный... спрятанный за вечной мерзлотой, за бетонными плитами... И тут же на щеках две шаловливые, совершенно детские ямочки от улыбки.

Она выдохнула и с шумом захлопнула рот.

«Да, – подумала Линда, – скорее всего Маргулис правда не еврей! У него такая дебильная рожа, и он не сморкается, а втягивает соплю в себя».

Ей ещё не раз пришлось приходиться в поликлинику. Зуб всё болел и никак не хотел вылечиваться. Хотя, может уж настолько и не болел?

Всё там же, в коридоре, под плакатом, возвещавшем о вреде сифилиса, она узнала, что Боря действительно настоящий еврей и зовут его «Саша», то есть «Александр», что в Городе совсем недавно, что приехал из Анапы, потому, что тоже скоро станет «изменником Родины»,

как и его родственники, а в их городе почему-то стать «изменником» легче. Проще говоря, Город таких «не задерживает». Да, он, конечно, неправильно поступает, его можно осуждать, но все в очереди ко «второму кабинету» почему-то говорили о нём с такой любовью и, понижая голос, что, казалось, они говорят о ком-то очень близком, в которого все мамы влюблены, а папаша не хотят расставаться.

Лечить зубы оказалось не так уж и страшно. Очень даже ничего. Только было всё неловко, всё до жути неловко...

Нет, конечно же, этот доктор не клал ей локоть на грудь, не водил рукой по щеке. Даже наоборот, он старался совсем к ней не прикасаться, как бы держал всё время руки на весу, и от этого было особенно стыдно.

Было стыдно за всё – за шершавые щёки, за «плохой лифчик», за волосы, которые у неё на ногах растут гуще, чем на голове, а брить их мама ни за что не разрешает. Стыдно за глупые диалоги:

– Ты чего ботики не протрёшь никогда?

Линда смотрит на свои свешивающиеся с кресла ноги.

– Это не ботики, это – туфли.

– Вот я и говорю: чё ты со своих ботишков пыль никогда не сотрёшь?

До слёз стыдно... до рвоты... до крика...

И вообще, часто казалось, что ему доставляет неопишное удовольствие вгонять Линду в краску, играть с ней, как кошка со своим хвостом. То он, совершенно не беря в расчёт окружающую публику, надевал белый халат без всякой рубашки под низом, да ещё расстегивал не последнюю пуговку, чтоб просто дышать, а целых две сверху! Когда Линда, почти теряя сознание, морщила нос и презрительно отворачивалась от загорелого спортивного тела, он, заметив её взгляд, честным голосом вещал:

– Ничего, что я без лифчика?

«Это ты у моей мамы спросишь! Она тебе бы подобрала „хороший“», – Линда готова придушить его.

– Ничего! У вас, несмотря на возраст, прекрасно сохранившаяся грудь!

«Хавай! Не покраснею! Всё равно я для тебя не человек!»

Он переехал в их Город из Анапы. Линда не была в Анапе. Но они однажды, очень давно с бабушкой и дедушкой отдыхали в Сочи. Линда хорошо помнит, как они вышли из поезда, и она, увидев этот огромный, шумный перрон с чудесными клумбами и загорелых, длинноногих женщин в шортах, уткнулась в бабушкину длинную юбку и от страха заплакала. Это был волшебный город, где всё было, как в кино: чудесные широкие, вычищенные до зеркального блеска улицы, купающиеся в тени раскидистых платанов. На каждом углу пахнет таким вкусным, от которого набежавшая слюна готова бежать дальше, не останавливаясь до самого моря. Все кричат, все куда-то приглашают, что-то обещают, предлагают. И везде цветы, цветы, цветы, которые никто не топчет и не рвёт. Белые, высоченные, какие-то загадочные «санатории» с каскадными лестницами, спускающимися прямо к воде, с античными колоннами, увитыми зелёным плющом.

В этих «санаториях» жили, скорее всего, особенные люди – лощённые мужчины в сахарного цвета широких штанах с карманами, красивыми, ровными спинами, и женщины – в платьях то длинных с высокими разрезами и шляпами на волнистых волосах, то в таких коротких, что они напоминали кофты, как если бы обычная женщина забыла надеть юбку. У них была красная помада и платиновые волосы. Сколько он видел таких? А сколько знал? И по вечерам отовсюду в этом Сочи слышалась музыка, все танцевали и веселились, и смелые прекрасные дамы сами приглашали на «белый танец» приглянувшихся кавалеров. И, безусловно, на этих танцах никто не мог быть более желанным кавалером, чем он.

Этот сочинский сон Линда видела только один раз. Потом дедушка умер, а про бабушку мама сказала, что «раз так, то и она теперь для нас умерла». А он, этот Борис, который Саша там жил, в этом сне, в этой сказке. Так чего его сюда принесло?! Чего ему там не хватало?! Только сумасшедший может покинуть рай, бросить похожих на богинь женщин и притащиться в их Город, где мужчины в своих кепках похожи на грибы, а женщины, тихо скользящие по улицам в юбках-вениках, на безликие тени, чудом вырвавшиеся из царствия Аида.

Скоро он отсюда уедет. Или сперва она уедет. Занятия закончились и вот-вот начнутся выпускные экзамены. Ей надо поступать в ВУЗ. Ей надо получать «пятибалльный аттестат», чтоб не стыдно было перед экзаменационной комиссией.

Дома Линда усердно делала вид, что дробит зубы об алмаз знаний. Она часами просиживала за письменным столом, спиной к входной двери. В ладонях её лежал маленький домик, весь в розовой пене цветов, с балконом и занавесками на окнах. Вот дверь, в которую он может войти. Там нет коридора, сразу комната и Рождественская ёлка с коробками на полу, перевязанными яркими лентами. Конечно, же он живёт в этом волшебном доме с петуниями, красивом и уютном. И ещё он работает без партсобраний и «переходящих вымпелов», потому что ему всё рано, потому что он «не член», он – еврей.

Вот Линде всегда было интересно, те люди, которые окружают его, они что – особенные? Почему они могут по утрам с ним здороваться, заходить в гости, пить пиво? Почему все другие, а не она? Может, потому что она не мужчина? Или потому, что пока не выросла в Прекрасного Лебеда? А разве, если вырастет, что-то может измениться? Ну, так и окружающие его тоже не очень Прекрасные лебеди... Вон, рядом с ним сидит какая то «доктор Марика». Страшная-я-я... А он с ней разговаривает, шутит.

Или бывают такие мужчины чьими-нибудь братьями, или папами. Да, это тебе не Юзя, который даже в редкие дни своего пребывания дома вообще не замечает ни Линдиного присутствия, ни её отсутствия. Юзя может забыть, что у неё день рождения и вообще высморкаться в её парадную юбку. Или, вот, почему у папы не такие руки? А может, и такие. Только папа никогда Линду не ласкает и даже не гладит по голове.

У них в Городе «не принято» выражать чувства. «Надо быть сдержанным», – всегда с поёрзыванием и торжественным сопением произносила мама. А у него руки такие ласковые, такие очень-очень тёплые. Линде каждый раз хочется зарыться в них всем лицом, чтоб как можно больше почувствовать их нежность, их скрытую силу. Но! Такой шершавой рожей можно врача просто напугать. Это тебе не сказочные женщины из сказочной Анапы.

Мало, что ли, он возится с тобой и твоим зубом? И, кстати, она совсем недавно поняла радость регистраторши, которая тогда, давно, давала ей номер тринадцать. Оказывается, когда приходят дети с родителями, то это значит, что родители врачу «дадут на лапу» – вроде как незаметно засунут ему в карман деньги, но при этом толкнут его рукой, а то, вдруг он не почувствует. Тогда и процесс лечения сокращается, и говорят, что пломбы хорошие ставят. А Линда пришла одна. Тут же тётка обрадовалась, что «этому» дерзкому и странному «еврею» её родители денег не дадут!

Школа сгорела синим пламенем. Оценки за четверть она получила такие, что даже техникум бы плакал. Вот-вот начнутся выпускные, а затем и вступительные экзамены, а Линда смотрела в раскрытую книгу и буквы плыли перед глазами. Всё, что происходило, всё, что жило вокруг, всё виделось Линде сквозь ласковый свет его голубых, совершенно волшебных глаз. Всё было согрето его дыханием. Всё вокруг пахло его запахом – очищенной абрикосовой косточки.

Про него много говорят в кулуарах. А как же! Неженатый стоматолог – завидный жених, есть друзья, есть знакомые, и везде он желанный и везде любимый. А он встречается и расстаётся без сожалений, ни по кому не скучает, ни о чём не жалеет, ни к кому не привыкает, ни с кем близко не сходится. Поначалу его несколько раз хотели «женить», знакомя с «очень

порядочными и хорошими девочками». Он соглашался, что девочки «очень хорошие» и обещал «стать их достойным», то есть «работать над собой, чтоб заслужить», но, видимо, так себя и не «доработал», жениться отказался, при этом не обидев никого. Он всегда и везде душа компании, а потом встаёт и уходит, не обернувшись. Он отдал себя всем, но не взял себе никого... таинственный, загадочный и ничей...

Город «маленький» как любит говорить мама, все друг про друга всё знают.

– Завтра придёшь последний раз, – лицо близко, кажется можно прижаться щекой и закрыть глаза. Хоть навсегда. Линде всё равно, – ты слышишь, нет? Как тебя там? Госпожа Маккартни!

– Слышу! – У Линды срывается голос, – Чего мне не слышать? Я не глухая! – Агрессия – хорошая защита.

– Как тебя в школе держат – такую невоспитанную?! Если б ты ещё не была дочерью учителей... – Он говорит с серьёзным лицом и в задумчивости поднимает вверх указательный палец правой руки. Но он шутит. Он всегда шутит, потому, что шут гороховый и циркач, – тебе не стыдно? – Брови сходятся на переносице и взгляд становится как у председателя партсобрания, на котором он никогда не был.

– А вам?! – Хочется крикнуть ей, – а вам не стыдно?! Вы делаете вид, что ничего не замечаете, вас смешит всё, что касается меня... потому что... потому что я для вас никто! – Сердце рвётся на части, тошнота подкатывает к горлу, – чёрт возьми! Я когда-нибудь вырасту и стану Прекрасным Лебедем и вы... и ты очень пожалеешь, что так со мной обращался, – Линда равнодушно отворачивается, кладёт голову на подголовник и открывает рот.

Завтра всё закончится! Я его больше не увижу и скорее всего – никогда. Через месяц я уезжаю. Мама сказала, что даже если я не поступлю, то останусь там учиться на подготовительном отделении. Он ждёт документы. Он «изменник Родины». Что означает слово «никогда»? Оно похоже на страшную бесконечность – есть такой узор – идёшь, идёшь, пока не останется сердце от горя и страданий. Если только... если только правда подумать, что я больше не смогу к нему прикоснуться, не смогу вдохнуть его запах... зачем тогда жить?! Зачем этот ВУЗ?! Зачем всё?! Зачем всходит солнце?! Кому оно нужно, если Его нет рядом?! Кому нужен начинающийся день?! Ведь день существует только для того, чтоб встретиться с любимым! Ночи станут безбрежными и чёрными, как океаны... люди – безликими... Вечная боль разлуки и холодное как смерть одиночество...

Ночью у Линды поднялась температура.

– Чтоб ты провалилась, а! Нет, лучше чтоб ты сдохла, – мама вне себя от нервов, – ты сейчас нашла время болеть?! Когда до вступительных экзаменов ничего не осталось и каждый час на счету! Не поступишь – опозоришь нас с отцом на весь город! А мне станет сердцем плохо, и я наконец умру! А тебе вслед люди будут плевать и говорить: «Что это за девочка? А-а-а... это та самая, которая несчастную женщину в гроб загнала!» Давай, пей чай с малиной, потей и чтоб завтра была здорова. Я для неё в лепёшку расшибаюсь, всё делаю, чтоб поступила в институт, репетиторов ей наняла, деньги им плачу, потом и кровью заработанные деньги, а она болеть вздумала. Бесстыжая! Кто знает, где ты ухитрилась простудиться?! Чтоб завтра у тебя ничего не было, поняла ты меня?!

«Буду! Буду, блин, завтра здорова! Утону в чае с малиной, но буду! Сдохну, но буду! Выздоровею, чтоб поскорее убраться из вашего дома, от вашего самопожертвования, от вашей заботы, любви и „желания мне добра!“»

– Извини, мама, я не хотела. Конечно, я постараюсь до завтра выздороветь. Это я по дурацки простудилась на сквозняке. Надо было мне жакетку надеть.

– Ты чего пришла?! – При виде Линды у Голунова отвисает нижняя челюсть, – Ты себя в зеркале видела? Эх тебя разнесло. У тебя же стоматит. Гер-пис, так сказать, или пис-хер, кому как нравится. Как я с тобой работать буду?

– Не надо со мной работать, – Линда стоит в проёме двери, именно той, в которую в своё время ушёл, так и не открывший рот, двенадцатый номер.

– А чё пришла?

– Да так, на секунду, – спокойное лицо, губы раздутые от стоматита, – я хочу вам что-то дать... то есть, подарить...

– Денежку? – Лицо Бориса засветилось от удовольствия, прогадала таки, дескать, скелетина из регистратуры.

– У меня нет денег, не работаю, – Линда посмотрела на доктора в упор.

Он почему-то не улыбнулся.

– Закрой рот, я сейчас, – пациент послушно подтянул нижнюю челюсть к верхней и счастливо расслабился. Доктор встал со стула и кивнул Линде на выход, – ну-ка, пошли со мной.

Они вышли в коридорный аппендикс с гардеробом и окошечком регистратуры.

– Что – nibудь случилось? – Она никогда не видела его таким серьёзным.

«Да! Да! Да! Случилось и очень давно! Совершенно непоправимое, страшное, из которого нет и никогда не будет выхода! Да, произошла катастрофа!»

– Почему сразу «случилось», – Линда холодно пожимает плечами, – просто вот я уезжаю, и у меня есть вот такой домик с балконом и петуниями. Но он... Он мне больше не нужен. Вот, возьмите его... потому что он нужен вам. Вообще-то, он приносит счастье. Говорят, вам пришло разрешение на выезд? У вас будет такой дом с красными и белыми цветами, как если бы он был в розовой пене...

– Цвета розочек на торте?

Никогда Линда раньше не слышала такого волшебного голоса. Чёрный бархат, нежный, завораживающий... у Него... у этого шута горохового! Сейчас Он опять засмеётся, и это будет невыносимо! Господи! Как я его ненавижу!

Она так хлопнула входной дверью, что чуть не сорвала толстую, похожую на шланг, жёсткую пружину, приспособленную для тех, кто забывал эту самую дверь за собой закрывать.

Есть такой очкастый прикол: Что такое «рай»? И говорят, рай – это каникулы в Греции! А потом говорят, а что такое «ад»? «Ад» – это приезд в Грецию на постоянно место жительства. Да, лана! Это иперволес, проще говоря, передёргивание. И тем более, какие проблемы у Линды – этнической гречанки? Она ж не за «длинной драхмой». Она ж, вроде как на «историческую родину», так сказать, «родину предков» возвратилась. И, тем более, в родных пенатах каждый человек совершенно спокойно может себе устроить и ад, и рай – всё зависит от его желаний и настроений, когда живёшь в этой стране уже двадцать лет – так она давно твоя. Вся твоя: со сварливыми соседями, знакомыми выбоинами в асфальте... Эх! Теперь твоя родная и другой родней не будет.

Линда до переезда в Грецию столько раз рассматривала эти пейзажи с морем и без моря, с Акрополем и без Акрополя, с «настоящими» греками и без них на картинках, что в какой-то момент почудилось, будто она где-то долго странствовала и наконец, вернулась домой. Дом же настолько изменился и похорошел, что сперва она от радости чуть не сошла с ума. Столько всего вокруг! Про супермаркеты с кока-колой можно не говорить – еда её давно не интересовала.

Были, однако, совершенно нереальные магазины со спортивной атрибутикой – большой слабостью Линды. Первым движением души было заработать очень много денег и купить себе все «кроссовки», которые стоят на витрине. Все!

Ещё к своему вящему удивлению, Линда обнаружила, что не только чипсами в красивых упаковках и велотрусами отличается эта южная страна от Города, где она выросла, а, как бы, несмотря на то, что обе страны расположены на одной широте, в Греции была другой сама фактура людей.

В своё время, когда она всё-таки решила докопаться хотя бы до доли истины и пыталась понять откуда эти «обычаи», царствующие в Городе, литература объясняла всё это «южным менталитетом», сформировавшимся под влиянием турок. Но турки давно ушли, а бессловесные бабы в юбках, поднимающих пыль на дорогах, остались. Уж найти страну, на которую Османская империя имела бы большее влияние, чем на Грецию было невозможно. Тем не менее, в этой стране абсолютно всё было не так.

Всё было перевернуто с ног на голову, как и должно было быть. Если в Городе это было белым, то тут, в Греции, чёрным. Например, через несколько месяцев после своего приезда Линда узнала, что соседи очень долго спорили, почему она носит только юбки и только ниже колен? Долго, оказывается, спорили, пока не пришли к выводу, что, скорее всего, у неё или очень кривые ноги, или, может, после каких-то травм их показывать вообще неприлично. Ну, не хватает там кожи, или целого куска мяса... Все принципы, все ценности, всё поведение людей в Греции строилось на желании жить в своё удовольствие здесь, сейчас, ежеминутно, ежесекундно и радоваться этой жизни.

В Городе же всё делалось абсолютно бессмысленно, точнее, казалось, единственной целью жизни жителей было сохранение каких-то невнятных, совершенно необъяснимых и давно ненужных «традиций и обрядов», кем-то когда-то «принятых», которые забыли упразднить по случаю всемирной цивилизации. То есть, как в своё время сказал Николай Островский, вся жизнь и все силы отданы самому прекрасному в мире – борьбе за сохранение законов предков. В свободные же от «сохранения законов» минуты, празднующиеся граждане, просто совершали беспорядочные броуновские движения, пережидая время до начала нового «сохранения».

Вот, например, если к ним в Город случайно попадала какая-то залётная блондинка и не в длинной юбке, а в нормальном цветастом платье – это становилось событием мирового масштаба. Её обязательно все жители Города не только замечали, но и волочили за ней по улицам собачьим хвостом с наклепленным репейником на расстоянии десяти – двенадцати метров какие-то мрачные личности. Они «выясняли», где она живёт, и могли часами стоять под балконом хозяев квартиры.

Если бы этих страдальцев спросили, зачем они это делают, навряд ли можно было добиться внятного ответа. Важен был сам факт волочения за юбкой и разборки с сотоварищами по поводу всё той же юбки в аспекте «я её первый увидел!» Это довольно часто приводило к крупным конфликтам «мужчин» промеж себя, с милицией и забиранием в неё.

Но, милиция тоже была «мужчинами», всё понимала, сама была не прочь постоять под балконом с цветастым платьем, посему, пожурив «горячих парней и джигитов» за драку, их отпускала. Поэтому в Городе вообще-то очень не любили, когда к ним кто-либо приезжал в ситцевой юбчонке, если только не тёща из деревни с пучком живых кур, свисающих с руки вместо ридикюля.

Здесь же, в Греции всё было очень странно и загадочно.

К примеру, абсолютно все девочки до четырнадцати лет были темнокожими и черноволосыми, а когда подрастали, становились белёсыми блондинками. Уж как им удавалось так выбелиться – в хлор, что ли, ныряли, для Линды так и осталось загадкой. Они тоже были южанками, и у них тоже по хорошему должны были расти волосы на лице и ногах. Но они все были гладкими, как только что выбритыми, кожа их блестела и сияла на солнце.

У женщин, казалось, вообще была единственная задача – обратить на себя внимание. По ходу не совсем симпатичные, точнее, не симпатичные совсем, они были очень милы и ухожены. Каждая из своей внешности выжимала максимум, если на ней были «интересные» места, так она их без стеснения, даже с какой-то вызывающей гордостью выставляла на всеобщее обозрение.

Если красивая грудь – декольте красовалось практически до пупка, чтобы все желающие могли с удовольствием про себя отметить: «У неё красивая грудь!»; если она считала, что ноги – так показывала ноги. Именно поэтому, видя как люди живут в своё удовольствие, и, вспоминая седых, всклокоченных женщин – «матерей и жён Города», Линда долго плевалась и уматывалась. Эти дамы, приехав в Грецию на заработки, каким-то непостижимым образом почти за полчаса «адаптировались» и напрочь меняли образ и не желали больше быть «матерями и жёнами», а хотели «секси».

Куда на фиг девались их «сдержанность» и «целомудрие»?! Все они, которые бледными тенями скользили по стенам и, скромно улыбаясь, прикрывали шербатые рты ладошками, моментально преобразались. Спины их выравнивались, как если б они проглотили швабру, походки и фигуры в целом становились в режим «ожидания» – не подойдёт ли кто познакомиться? И все поголовно работали «помощницами по дому», «ухаживали» за лежащими дедушками, и дедушек этих, когда шли в отпуск, «сдавали» в качестве переходящего вымпела одна другой, чтоб потом снова к нему вернуться.

Ухаживали гениально хорошо, ибо понимали – если бабушка умрёт – надо снова искать работу, а чем дольше он живёт – тем больше шансов и надежд получить от него хоть строчечку посвящения в предсмертном завещании. И ни одна «гордая женщина востока» не ухаживала почему-то за лежачей бабушкой.

Однажды на улице Линде даже показалось, что она увидела ту тётку с поломанным чёрным ногтем из регистратуры стоматологической поликлиники, но теперь она была в узких бриджах и лёгенькой кофточке с шаловливой вентиляцией по бокам.

Линде удалось защитить свой диплом стоматолога, и теперь она работала в очень даже весёленькой компании, где хоть работодатель и был большим брюзгой и жмотом, но никогда не отказывал себе в удовольствии встречать каждую минуту как первую из оставшейся ему жизни. Вот тут на работе Линду ждали новые сюрпризы. Оказалось, что Греция отличается от Города не только длиной юбок. «И этому тоже надо учиться и привыкать», – задумчиво размышляла Линда, выковыривая пальцами мусор с напольного покрытия, которое здесь называлось «мокета».

Эта самая «мокета» – ковровое образование с высотой ворса чуть ли не три сантиметра, бесконечно красивое и бесконечно неудобное. В неё грязь и всякие соринки как бы вживаются и вырастают, и никаким пылесосом их не выкорчуешь, разве только пальцами. Но какого хрена эта мусорозаборная «мокета» делает в хирургическом отделении частного заведения?! У них в хирургическом отделении стоматологической поликлиники, даже там, где работал Голунов сто лет назад, везде был раздолбанный, отклеивающийся, но кафель. Ведь каждые несколько месяцев приходила санэпидемстанция, и вполне могла и старшей медсестре, и брату – хозяину (находящемуся на должности сестры-хозяйки), да и самому главврачу сделать нехорошее замечание, которое потом смывалось бумажной суммой.

И ещё потом бы на «летучке» в Горздраве главврачу за всех за них было бы неуютно. На ночь включали ультрафиолет для обеззараживания воздуха в помещении. И халаты складывали в огромные биксы и стерилизовали в специальных автоклавах. И плакаты были про вред венерических заболеваний. Какой махровый ковёр на полу?! Линда сама лично в бытность студенткой мыла эти плиточные полы раствором хлорки и карболки. Воняя-я-яло! Зато здесь, в Греции все очень любят чистоту, наличие шершавой «мокеты» на полу в хирургии их не смущает, но морщат носик при непонятном запахе и с подозрением спрашивают:

– Ты миризи? (Что так воняет?)

Якобы то, что «миризи» может быть нечистым, а палас с ворсой на полу в хирургии – чистый. И ведь никому не объяснишь, что «миризит» для их же обеззараживания! Клиент просто обидится и уйдёт, потому что он и так чистый и никаких «микровиа» на нём нет. И именно «клиент», а не «больной» и не «пациент». Здесь это – «клиент». Как пророчила ей в своё время

школьный преподаватель химии Белкина, советовавшая Линде не пытаться «прыгнуть выше пупка, а просто стать парикмахером», – именно «клиент» парикмахерской банно-прачечного комбината.

В Греции Линда расцвела. Она под давлением новых подруг – всех поголовно блондинок, вывела себе над верхней губой волосы, рассталась с бакенбардами в виде котлеток на щеках и похудела килограмм на десять. То ли от оливкового масла, то ли от пьянящего воздуха свободы она сильно изменилась, с лица исчезли прыщи, и кожа её стала чистой и тонкой. Так она сама под шум адаптации не заметила, как почти без усилий стала превращаться в Прекрасного Лебеда. Ну, не так чтобы прямо в лебеда, но на работу её взяли, хотя для начала, как хорошую, профессиональную уборщицу со стажем. А могли и не взять! Оказывается, в Греции именно внешнему виду придают очень большое значение, а вовсе не «духовной» красоте, как ввали в СССР.

Местного «зубного предпринимателя» звали Такис. «Такис» – это не имя такое, это производное от Димитрис. Вроде как Димитрис – уменьшительно – ласкательное – Димитраки, потом Траки, потом Таки, дальше, судя по всему, – Ки-И, и так далее до нуля.

У греков вообще были непонятно странные, то ли имена, то ли клички, то ли должность, то ли место происхождения, то ли физические недостатки. Всё это являлось производными для новых имён. И не ясно было вообще, к примеру, Параскевас («параскеви» – пятница) – это фамилия, имя, или тот, кто приходит по пятницам. Или «папуцис» («папуци» – туфля) – это торговец обувью, фамилия такая, или просто богатый, и поэтому у него есть что надеть на ноги. Женщины же все были «Тула», «Кула», «Сула». Одна была даже «Пицца».

Так вот, оказалось, что «Кула» – это от «Кириаки», которая «Кириакула»... «Кула», акула, блин! Линда поначалу постоянно путала все имена, кроме «Мария» и «Элени», и не запоминала их. Слава Богу, что «Марий» и «Элени» было пол Греции, это заметно облегчало существование в новом мире. Греки никогда не меняли своих фамилий. Если только совсем «неблагозвучные». Подлежащими исправлению считались не Пендархидис, например («пенте» – пять, «архиди» – яйцо, причём именно мужское, «архи» – начало), а неблагозвучными были «Романов», или «Нарышкин».

У Линды очень много сил уходило на вживание в окружающий мир. Мысли и чувства стали какими-то отрывистыми и резкими, касающимися исключительно реалий. На всякого рода глупости типа воспоминаний о домике с балконом времени не было. Да не было и желания. Зачем это всё? Пока не привыкнешь к так изменившейся «родине», лучше жить расчётом и мыслями, а не глупыми чувствами. И, тем не менее, то ли здесь, в этой Греции, стиральные порошки были какими-то особенными, то ли сам воздух располагал к чувственности, но когда заканчивался разноцветный, как взбесившийся калейдоскоп, рабочий день и голова оказывалась на подушке, она закрывала глаза, и ей казалось, что пахнет каким то тонким, совершенно неприемлемым здесь, в этом полуподвале запахом... чищенной абрикосовой косточки.

Интересно, где Он сейчас? Этот самый голубоглазый еврей без лифчика.

Как-то раз, когда она была ещё студенткой, очень-очень давно, в прошлой жизни, Линда приехала домой на каникулы в родной Город и зашла в стоматологическую поликлинику. Вроде как ей что-то было надо. А что надо-то? Зуб, который она так и не долечила, Линде давно удалили. Больше ничего не было надо. В поликлинике всё было по-другому. Плакат с червяком, жуящим детский зуб, бесследно исчез. На его месте стоял шкаф. И врачи были другими: кто постарел, кого заменили новые. Вон сидит страшная «доктор Марика», с которой Боря-Саша иногда шутил... Тоже постарела...

– Да! Канешна помню! – Марика, казалось, даже обрадовалась вопросу, – Он сперва пошла в Израиль, а потом оттуда в Канаду. Говорили, у него всё хорошо Я нэ знаю... Вот...

Ка-на-да, словно кто-то палкой стучит по голове. Другой материк, всего-то через тысячи километров. Надо же: «Ка-на-да» и «ни-ког-да»... как созвучны два эти слова, как они похожи. Они напоминают обрыв, где внизу бьётся головой о скалы холодный океан.

Подушка таки сделала своё дело – у Линды закрываются глаза, а завтра взойдёт новое солнце.

Такис из стоматологии был ещё и необычно весёлым. Он, так сказать, «шёл по жизни, шутя». Конечно, когда её брали на работу, она об этом не знала. Оказалось, что Такис вообще не стоматолог и даже не зубной врач. Он просто зубной техник, который в какое-то прекрасное утро решил, что ему не стоит ждать милостей от природы, как советовал Мичурин, то есть, ждать, пока какой-нибудь врач принесёт ему работу на заказ.

Он понял, что его задача – самому взять это самое, то есть слепки с зубов клиента, поэтому Такис совершенно беззастенчиво начал работать во рту, точить зубы и называть себя врачом. Говорят, что много лет назад «господин доктор» гастролировал с большим успехом по греческим деревням, делал старикам прямо в «кафенин» съёмные протезы и сколотил себе на этом неплохое состояние. И ещё при нём была девчонка, которая за небольшую сумму крутила ногой педали от колеса с приводом к бормашине, потому что тогда в деревнях электричества не было.

Так вот, и к Такису и к Греции в целом надо было срочно притереться, признать, что ковёр – самое оптимальное покрытие для хирургического отделения, и что зубы лучше всего удалять на берегу моря, потому, что тут же можно рот и сполоснуть.

Греки, естественно, считали, что к ним приехали, по меньшей мере, человекообразные существа. «Вы отстаёте от нас на пятьсот лет! – Любил выступать Такис по любому поводу, – Учись быть человеком! Учись! Становись цивилизованной!»

Хорошо было Юзе. Он пошёл работать на стройку, и у его коллег не было времени на бесед. Ему никто не говорил, что он отстал на пятьсот лет. Юзя просто махал лопатой и таскал раствор в вёдрах. Хоть работа была не из лёгких, и, несмотря на «мокету» в хирургии, в остальном всё было супер, потому что ребят Такис подобрал себе весёлых и общительных.

Его дико раздражали меланхолики. То есть, или весело, или поругался, а потом опять весело, или изначально весело поругался. Ужасно, как говорил Такис, когда «топорная рожа и вечное страдание на лице». А вот в Городе всё было наоборот – топорная рожа была признаком серьёзности и сдержанности, а «вечное страдание» возносилось в культ.

Однажды Такис гордо сообщил Линде:

– Эго имэ идиотис! (Я – идиот!), – У Линды практически случилась истерика. Только страх, что вышвырнут на улицу, заставил её сделать глубокий вдох, потому, что на вдохе невозможно сказать:

– Оно и видно!

Однако, оказалось, что «идиот» – это очень хорошее слово. Оно говорит о том, что товарищ не горбатится на работодателя, а имеет свое собственное заведение. Хоть и с «мокетой» в хирургии на полу!

– Кто в детстве не ездил на море, и мама по три дня не разрешала купаться, ожидая необходимой «акклиматизации»? Будь она трижды неладна, – Линда всё время старалась успокоить себя, – конечно, конечно, всё будет нормально, – думала она, моя кофейные чашки, которые все, кому не лень оставляли по углам технической, кто где ими баловался. Она потом ходила, собирала их, как грибы после грозы, мыла и вешала на сушку, – ко всему привыкнем!

Вот кто не сидел под навесом на берегу, глядя на искристое море, и не сосал тёплое молоко из треугольного пакета, пока другие визжали в зелёно-голубых волнах и ели мороженное из вафельных стаканчиков? Кто не проклинал судьбу, южное солнце (в дождь «акклиматизироваться» не так обидно – другие ведь тоже не купаются), и советы врачей? Вот кто б когда подумал, что от родной грядки и туалета на краю огорода с вырезанным в центре двери

сердечком, занесёт его в центр старушки – Европы со сверкающими витринами, и к людям, говорящим «сигноми» да «сигноми» (простите!) по поводу и без повода, но и с удовольствием смачно ковыряющим в носу? А как впечатляет это совершенно дежурно – бессмысленное «ти канис»? (что делаешь?, т.е. в смысле, как дела?) и тут же тоном, не терпящим возражений, отвечающим за вас – «Кала исе!!!» (в вольном переводе – «Козлу понятно, что тебе хорошо!») Это я для связки слов спрашиваю. У нас в Греции всем хорошо!)

Надо менять привычки и мировоззрение. Надо заставить себя полюбить то, о существовании чего до сих пор даже не подозревал, надо начать по капельке, по малой, малюсенькой капелюшечке вливаться в коллективы новых людей, надо учить язык и сделать его родным, надо приклеить на нижнюю часть лица пластмассовую улыбку и для лучшей фиксации укрепить её болтами. Надо признать основной темой гламурных бесед обсуждение меню не только на сегодня, но и тщательно пережёванное меню недельной давности, плюс способы приготовления различных утончённых блюд, типа отварных одуванчиков.

Причём, что интересно, присутствие мужчин не только совершенно не смущает очаровательную половину человечества, а наоборот, подстёгивает, как бы заводит. Мужчины в такт слов своих спутниц согласно кивают головой и прикрывают веки, как будто всё ещё втягивают в ноздри запах вчерашней рыбы.

Новое место жительства. Новые люди. Новая культура. Новые обычаи... Нет чувств, нет посторонних мыслей... глупых, никчемных, ненужных, отвлекающих, потому что единственная цель – удержаться на рабочем месте, вливаться, вливаться, ещё раз вливаться, доказав всем, что ты – хомо сапиенс. Что раньше говорила мама, когда жили в Городе? «Не в лесу живёшь!» И действительно! Кругом же люди, поэтому надо приживаться. Хотя, на самом деле, может люди это и есть деревья? Дерево приживается тем быстрее, чем оно моложе и чем у него больше корни. Некоторые всё-таки засыхают, не привыкнув к новой почве. А некоторые виды деревьев можно и не поливать, и до пня спилить, так они вскоре пускают такую поросль прямо из почек под корой всё с того же пня, что не рад будешь и пожалеешь о своём желании избавиться от дерева: каждый зелёный росток даёт начало новому саженцу.

Линда, проживая на территории бывшего теперь СССР, не ела с утра мороженого. Не ела потому, что его в их Городе с утра и не было. Тут чего-то, ли от дикой августовской жары, то ли в память о акклиматизационных запретах мамы, но, захотелось ей, идя на работу, в десять до полудня полизать холодненького, беленького крема на палочке. И вот она, держа в руках это рукотворное произведение кулинарного искусства, урча от возбуждения, осторожно приоткрыла дверь офиса.

Вначале Линда решила, что произвела слишком много шума: вот почему все обернулись и, молча, смотрят на неё.

– Не хотела, так вышло, – она сделала смущённый кисляк.

Греков сложно удивить. Они ко всему привычные, и к цвету, и к запаху, и к звуку, и к виду, потому что «в Греции всё есть». Тем не менее, она их не просто удивила, а поразила. Причём, страшно, и в самое сердце. Ребята продолжали её разглядывать, словно вместо носа у неё на лице топорщилась мороженая брюква.

– Что-нибудь не так? – Линда несколько опешила от такого внимания.

Они молчали.

Линда бочком подошла к зеркалу. Она как она. И ничего на ней нового. И верхний дыхательный орган на месте. И на брюкву не похож. Тишину нарушил чей-то ласковый и уверенный голос. Так разговаривают опытные врачи-психиатры с умственно отсталыми или с душевнобольными:

– Русская! Ты чего мороженое в десять утра?!

– Чего? Ем! А, чего, нельзя?! Лето ведь, жарко! Я шла, уже тридцать восемь было! – Линда вся в удивлении, перестала лизать палочку, рискуя закапать ею ворсистую «мокету».

– Русская, – в разговор вмешался второй голос, – русская, мороженое – это десерт. Его едят после обеда.

– Ну и что? – Линда снова лизнула палочку, – Когда хочу, тогда и потребляю, что тоже «не принято», и где-то про это прописано? В чём проблема? Шла по улице, стало жарко, захотелось мороженого. Купила, вот ем теперь, – она снова, высунув язык, беззастенчиво провела им по месту вокруг палочки.

Тут вмешалась самая миролюбивая девочка:

– Правда, что вы к ней пристали? Она же оттуда, – и девочка сочувственно мотнула головой в сторону окна, за которым виднелись высокие, мрачные горы, – голодная! – Голос доброй девочки споткнулся, – Ну, не видел человек никогда в жизни мороженого. Пусть ест!

– Нет, Катерина, мы не против, пусть ест, но почему утром?! – Коста от злости аж сошёл с лица, – пусть поправляется! Ей это ка-а-ак раз необходимо! – Хозяйский младший брат не мог упустить случая и не выразить Линде своих чувств, – просто существует культура питания, приёма пищи, так сказать. Есть правильные часы приёма, есть максимально полезное сочетание продуктов, подсчёт дневных калорий, здоровый образ жизни, здоровое питание.

– О, да! Я знаю о вкусной и здоровой пище, – Линда гнусно захихикала, – у моей мамы в ящике буфета лежала такая книжка, изданная по приказу Анастаса Микояна. Там были нарисованы жирные гуси и говорилось, что когда нам станет лучше, тогда и жить будет веселее.

Прослушать лекцию о том, что «Анастасиос» ни в коей мере не мог быть «Микояном», потому что это не греческая фамилия, ей не дали.

– Что за визг?! – «Идиотис» Такис – полтора метра в высоком прыжке – всегда старался произвести как можно больше шума, чтоб все думали – ввалился, по меньшей мере, бегемот, – что за препирательства? Опять с Русской беседы завели? Уволю всех! Никто не хочет работать! А не успеете до обеда, в ресторан пойду один, вы же будете грызть свои ногти. Желаю, однако, успеть, сегодня Нико со второго этажа угощает. Так что – едим бесплатно.

«Какой ужас! – Линда в очередной раз удивилась закону парности случаев, – да ведь ещё „едим бесплатно“. Так это теперь будет что-то вроде экзамена, что ли?! Ишь, как они про десерты и полезность распинались!» – Утро было окончательно испорчено. Линду мучили разные картины.

– Да, – страдала она, – вляпалась я конкретно! – Она чувствовала, что «угощение» Нико поставит на ней вечное и не стираемое клеймо «деревенщины», от которого ей, явно уже никогда не отмыться. Может, вообще не ходить, если это такое ответственное мероприятие? Заливная стерлядь в белом вине, шашлык из осетрины с гранатовой подливкой, голубиные почки «а-ля археа Спарта» и так далее. И как же всё это употреблять? Руками? Палочками? Вилками? Подбрасывая в воздух?

Она же публично объявила о своём весьма тесном знакомстве с культурой принятия пищи, мол, даже по старинной книге училась. А как жевать тут, в Греции? Перекатывать во рту пищевой комок слева направо, или справа налево? Или, может, жевать не надо вовсе? Может, продукт, он – жёванный? А чего с чем сочетать? Ведь, говорят, если съесть рыбу и запить молоком, то замучаешь все внутренние органы. С другой стороны, существует рецепт приготовления рыбы в молоке. И, как утверждают гурманы, он весьма и весьма недурен.

Линда совершенно не знала греческой кухни. Начнутся опять душеспасительные разговоры в утвердительной форме: «У вас в России помидоры не растут! Такси у вас нет! Ты рыбу никогда не видела!» Ей, конечно, не впервой, как-нибудь прорвётся, только уж больно вот надоело, хочется без «сеновала», просто «большой и чистой любви»...

Внизу на улице много хороших заведений общепита, но вся техническая во главе с Такисом, набившись по за сорокаградусной жары в две машины, словно тряпки в пуфик, почему-то долго-долго колесили по городу, а потом выехали и уехали куда-то, как ей объяснили «я на фаме псарья» (поесть рыбу). Можно подумать, что Средиземное море омывает берега

не всей Греции, а течёт из шланга именно в огороде той самой деревенской таверны, в которую Линда с сотрудниками приехали отобедать, и это море из шланга время от времени извергает из себя свежую рыбу.

Было неловко, но она была рада возможности в «безгалстучной» обстановке продолжить попытки своей акклиматизации, адаптации и ассимиляции. Однако, многое было ещё и непонятно. Было непонятно, например, зачем с ними по такой жаре идут «друзья», «друзья друзей» и ещё какие-то совершенно никому не знакомые лица? На её шепотом заданный вопрос «яти?» (почему), ей таким же шепотом объяснили, что в Греции так принято для налаживания связей с нужными людьми, «я димосиес схесис», так сказать.

И «друзья», и «друзья друзей», и «лица» выглядели довольно аристократично, почти к месту острили и вели светские беседы о деньгах, погоде и нижнем белье. Некоторые даже его показывали. В смысле нижнее бельё.

Нико со второго этажа шумно здоровался с хозяином таверны, раскидывал плетённые табуретки и обнимал официантов, как родных, одним словом, был в ударе.

Большой белой бумажной скатертью, наводящей на мысль о гнойной перевязочной в хирургическом отделении, им застелили стол и принесли горячий хлеб, воду, ципуро (анисовая водка) и многочисленные стаканы. Стаканы... стакашки... стаканчики... мерзавчик... посошок...

«Вот он, экзамен и начинается», – с ужасом думала Линда.

Ципуро исчезло за полминуты, прихватив с собой хлеб и оставив на бумажной скатерти одну воду. Особенно усердствовали хорошо одетые «лица» и «гости гостей». Когда принесли салаты, весь хлеб уже был съеден, а ципуро выпито.

Тот час же все вилки вцепились в отварную цветную капусту, причём, кто какой вилкой ел, ту в капусту и всаживал. Все громко дружно зачмокали и, показывая пальцем в общую тарелку, одобрительно закивали головами, как бы говоря:

– О! Как прекрасен сей качан, не правда ли?

То ли от выпитого ципуро, то от солнца, палившего нещадно, Линде начало припекать непокрытую маковку.

«Как чудесно, – думала она, – такой простой рецепт» – отварная капуста под оливковым маслом, а в какой экстаз может привести уважаемую публику! И не надо никакого заумного выжимания через марлечку орехового масла из пропущенных через мясорубку орехов... «Этот рецепт про курицу под ореховой подливой она прочла в книге национальной кухни». Линда в своё время подсчитала: чтоб приготовить эту самую курицу с орехами надо запачкать больше семи кастрюль.

Но попробовать деликатес из цветной капусты с лимоном ей так и не удалось. Пока она размышляла о простом великолепии греческой кухни, Коста – всё тот же родной брат «идиотиса», завозил в общей полупустой тарелке своей горбушкой, вылавливая масло и мелкие цветочки.

Вопреки ожиданиям Линды, никакой фаршированной шейки матки молодой газели с лапсеронами не принесли. Напряжение её пошло на убыль. Жизнь стала казаться гораздо менее чёрно-белой, в ней снова заиграли какие-то яркие краски, пятна. После выпитого она резко, прямо толчком пришла в восторг: от ципуро, от жары и Костиной волосатой руки в тарелке. Как всё это застолье было не похоже на те, которые она видела в своём родном Городе! Они, эти греки, ходили в рестораны не по какому-либо поводу типа свадеб, или поминок, а ходили в рестораны когда «хотели кушать»!!! Это было немыслимо – сходить в ресторан «покушать»! И ходили в ресторан с собственными жёнами, просто женщинами, девочками, с дочерьми...

В её Городе женщины вообще не знали, что существуют рестораны, туда ходили только мужчины, очень много пили, громко кричали и платили огромные деньги. Эти же не боя-

лись ничего! Не боялись, например, что в ресторане начнётся драка. У них в Городе, если какая-то залётная устраивалась работать официанткой, так ей на улице проходу не давали, и все знали – она работает «в рестора-а-ане!» «офи-ци-анткой!», иными словами, женщина, чьё рабочее место находится при большом скоплении пьяных мужчин «испорченная», «распушенная» и «плохого поведения». В этой же самой Греции собрались все какие-то, ну-у-у... странные, что ли! Они своих же родных дочерей заставляли работать официантками. И не от большой нужды, а просто так, это называлось «икогениаки эпихириси» (семейный бизнес), и ещё гордились этим – выводили свою родную дочь к посетителям, обнимали её за плечи, прижимали к себе и гордо так произносили:

– Это – моя дочь! – И все, весь стол мужиков рассматривали её, улыбались и говорили счастливому отцу:

– О! Какая красивая! Кормара инэ! (У неё классная фигура!)

И недоделанный отец совершенно не стеснялся, что все эти сидящие мужики и бабы оценивающе рассматривали фигуру его родной дочери, называют её «кормой» и говорят, что она, видимо «корма» хорошая! И мать «кормы» тоже улыбается, и не бежит и не кричит по улице, чтоб вызвали скорую из «психушки», потому что «её муж сошёл с ума»!

Что-то в этой самой Греции происходило странное. Может, не было в учении Аристотеля – древнего, как мир, грека и вообще отца всех греков написано, что «женщина – это всего лишь инкубатор для вынашивания живых существ». Что она – «недочеловек», созданный для службы у мужчины, для его комфорта и благополучия. Короче, что-то среднее между телевизором, жареной свининой и пивом. Её родной Город о-о-чень хорошо вник в учение этого самого гениального Аристотеля, так вник, что через века «выныкнуть» не смог, или несхотел, потому, как оно оказалось удивительно созвучным с моральным обликом Города.

Зато Греция сама давно похоронила это уродское «ученье» и живёт в своё удовольствие. Девчонки эти, официантки – дочери хозяев наряжались в короткие шортики и прозрачные майки, а когда им оставляли «чаевые» – брали их! Они брали у чужих мужчин деньги! А за что, спрашивается, он эти деньги на столе оставил?! А-а-а! Просто так? Да, конечно! Кто поверит? Значит, ему сто процентов понравилось, как хозяйская дочь вертит «кормой»!

Ха-ха! Кстати, о «ста процентах», так интересно: у них с Городе тоже употребляли в разговоре «сто процентов», то есть, обязательно. Однако, как оказалось позже, горожане вовсе не имели понятия о процентах, как о процентном соотношении. Они, оказывается, произносили это одним словом – «стапрацен», что означало – «всенепременно»!

Нет, ей явно нравилась Греция, ей очень нравилась Греция! Линде казалось, что она прямо физически вливается в греческий коллектив, в атмосферу балаганной радости и счастья. Всё ей чудилось сказочным, несерьёзным, нарисованным, и переживали греки не всерьёз, и ссорились, и страдали. Даже когда кто-то умирал, они не держали по десять дней в центре квартиры покойника, как в Городе, словно он уже стал привычным атрибутом квартиры, но хоронили на следующий же день, и «чёрное» вообще никто не носил, только в день похорон и самые близкие.

– Зои се сас! (Вам – жизнь!) – Желали друзья родственникам покойных.

Да и родственники особо не отчаивались. На похоронах стыдно плакать и рвать на себе волосы, это неприлично. Стараются как-то тихо друг друга успокоить, поддержать, рассказывают не очень смешные, но хорошие анекдоты, улыбаются, радуются встрече друг с другом.

– Что делать? – Говорят греки, – Всё в руках Божьих. Захотел и забрал раба своего, – и всё!

Замечательная, чудесная Греция! Такая замечательная компания, и совершенно замечательный этот Димитрис – Димитраки – Тркаки – Таки – Ки-И! И вообще, с ним замечательно! Во-первых, потому, что он её – Линду взял на работу, во-вторых, они стали друзьями. Денег он почти не платил, но друзьями они стали.

– У неё, – рассказывал он Линде про свою жену, – вот здесь, – он показывал чуть ниже талии по бокам, – торчали вот такие две кости, а живот был не плоский, а вогнутый внутрь. Прямо, казалось, желудок просвечивает. Такая фигурка была. Я ещё, чтоб было красивой, когда она ложилась спать, просил её надевать белые короткие носочки! Аа-ах! Ты такое не видела! Когда она лежала на спине, у неё даже места для сисек не было! Узкая-узкая. Вот такая была красавица! – Такис сладострастно вытягивал шею вперёд и вверх, и она становилась похожей на плохо бритую индюшачью, – А что теперь?! Всё недовольна, что я с ней мало сексом занимаюсь. А, я не могу! Просто не могу себя заставить! Растолстела она после третьего ребёнка, кто ей виноват?! Кто, я спрашиваю?! Ты её видела?!

– Конечно! – Презрительно соглашалась Линда, – Ужас, а не женщина!

– Вот только ты меня понимаешь! – Такис был готов разрыдаться от умиления.

Линда тоже. Но от жалости к Верке.

Верка была похожа на мешок с костями, не очень туго обтянутый кожей. Пожелтевшее от загара, но, видно, очень бледное лицо выдавало в ней хроническую анемию на фоне какого-то другого жуткого системного заболевания. Эдакая маленькая старушечка с тощим пучком поседевших волос на затылке.

Вот не повезло Такису с растолстевшей Веркой. Вот жил бы он в Городе вместе с нами! Ого! Он бы вообще при своих деньгах мог жениться на любой пятикласснице, лишь бы пришёл официально и культурно, в костюме чёрном свататься, и с папой бы очень уважительно разговаривал. Женился бы сперва, и на других смотрел бы потом, сколько заблагодарасудится: с головы до ног, с ног до головы, останавливая взгляд на груди, и прижимался бы к впереди стоящей в очереди в магазине тоже сколько хотел. Теперь вот, бедный, на всю жизнь повязан с «толстой» Веркой.

Классно сидим!

С визгом отпихнув чужую руку, Линда нырнула в сок от помидоров своей собственной хлебной мякучкой.

Тут уже подлетели официанты с новой порцией анисовой водки, осьминогов, кальмаров и других морских гадов.

Вдруг, прямо перед самым её носом на вилке оказался кусок чего-то съедобного. Сперва она подумала, что хозяин куска хочет ей что-то продемонстрировать, ну, типа какой-то животный орган, или его запах. Оказалось, что в Греции так принято, что если перед твоим лицом маячит вилка соседа с куском пищи, это значит, что в знак безмерного своего к тебе расположения сосед по столу насадил на свою вилку лучший кусок из тарелки и хочет запихнуть тебе в рот. В данной ситуации Линда в лучших традициях греческого застолья, чтоб ни в коей мере не обидеть кавалера, обязана открыть рот и принять сей кусок в своё чрево, тем самым подчеркнув свободу, равенство и братство. Только она страшно боялась обкапаться с чужой вилки поэтому премило улыбнувшись, сказала, что у неё с детства от осьминогов метроэндометрит. Все сочувственно закивали в ответ, дескать «как мы тебя понимаем! У самих почти то же самое!», а самый жалостливый «друг друзей» тут же протянул визитную карточку с заверениями, что «это самый лучший ухо-горло-нос в Северной Греции, а главное, его близкий товарищ и большой специалист именно по эндометритам».

Печённых на углях раков они ломали щипцами, придавливали ручкой ножа и вгрызались в их, покрытые жёстким панцирем тела, зубами. При этом, у всех глаза щурились, а оскал становился практически акульным. Раки были сухими и жёсткими. По вкусу они напоминали резной старинный комод.

Потом им принесли мокрые полотенца, чтоб протереть руки. Было очень жарко. Полотенца содержались в какой-то упаковке и были тоже горячими. Руки ими протирать было очень мерзко. Хотелось холодной воды и мыла. Линда, как дура, спросила: «Что, в кране нет воды?», чем вызвала бурю восторгов и шуточных соболезнований по поводу, что «воды нет у вас „там“,

а в Греции есть всё!», типа, не вставать же правда из-за стола и не тащиться мыть руки в самом деле.

Пили Кока-колу лайт. Потому что «съели много, и с калориями надо было заканчивать».

– Русская! – Такис, ковыряя зубочисткой в зубах, повернулся к Линде, – Так ты нам не сказала, у вас «там» такси есть?

– Конечно, – Линду, видимо, от выпитого в сорокаградусную жару вдруг понесло, – о чём вы говорите?! Мой брат, который Юзя, ну, по-вашему, то есть Ёрго, ну, вы ж его видели, сам долго работал таксистом. У него, – Линда зачем-то тоже начала подсасывать задний зуб и чмокать, – у него была в России майка с «шахматами» и надписью «Такси», а на спине седло, знаете, как в котором младенцев носят цыгане, только большое, для взрослых. Кожаное, хорошее такое седло, ему папа сам из свиной кожи пошил.

Да-а-а! Папа, когда свинок закалывал, всегда кожу сам сдирал, засаливал её. Соль такая каменная у нас была, прямо дробил её молотком», а когда шкура вонять уже переставала, шил из неё, кому туфельки нарядные, кому сумку. Сыну вот, седло хорошее пошил, прочное... мне один раз лифчик, «который хороший и даже маме нравился», – вспомнив маму, вдруг чуть не зарыдала от умиления она, – когда клиент садится, вообще надо бежать быстро-быстро, но осторожно, чтоб ножки ему поддерживать.

О! Ёрго так хорошо бегать научился! Правда, босиком, не мог никак к туфлям привыкнуть, говорил «ноги потеют». Потом мы немного подобрали денег и купили ему трёхколёсную тачку с сиденьем в середине и зонтиком. Хороший такой зонтик был, тоже прочный! Любой дождь выдерживал. На тачке снова по бокам «шахматы» нарисовали. Да от клиентов отбою не было. Такие бабки заколачивал, сейчас как вспомню...

Бежит себе, бывало, босиком по Садовому кольцу, через Красную площадь, вокруг красного Мавзолея, пяточками мимо Минина и Пожарского по мостовой цок-цок, цок-цок. Быстро так бежит, ножками перебирает, чтоб клиента поскорее доставить, аж искры сыплются, а другие пешеходы свистят, мол, давай скорее, мы тебя ждём! Очень много денег заколачивал, – Линда смахнула со лба мокрую прядь волос.

– Надо же, – коллектив несколько приуныл. Греки, когда слышали, что кто-то «хорошо зарабатывал», им становилось очень грустно. Они так обижались, как если б эти деньги кто-то вытаскивал из их собственных карманов, в которых они всё время держат руки, и не было важно – собрал ли человек эти деньги с дерева в своём дворе, или добыл их на урановых рудниках, главное – деньги осели в чужом кармане.

– Хорошо, когда работы много, – задумчиво произнёс Такис, – а «Милина и Пазарскава» это что? Вроде русского «Дульси и Кампана»?

Греки ни в каком состоянии не могут произнести буквы «ч», даже после выпитой «анисовки»; английское «джей» и ещё много других звуков. «Дольче Кабана» они произносят как «Дульси», танец «Ча-ча-ча» как «Ца-ца-ца». Ни один англичанин не понимает, что грек им хочет сказать, однако, греки, в свою очередь, считают это естественным, потому, что именно англичане очень плохо говорят на английском. И про Город им рассказывать бесполезно, потому что, оказывается, СССР – это русские, а русские – это Москва, потому что у них самих, кто родился на территории Греции – тот и грек. Хоть ты чёрный, хоть с узкими глазами – родился здесь – значит, грек! «Раз приехал из СССР – значит, русский». Не может же человек родиться в России и быть греком. Или китайцем, например. «В России живут русские, в Греции – греки, в Германии – немцы и много греков». Про Германию они знают точно, у многих там живут родственники. Значит, там не все немцы.

– Не «вроде» «Дульси и Кампана», – пела Линда, не зря её в своё время Голунов, то ли «резкой», то ли «дерзкой» обозвал, а может и тем и другим, – это и есть фирма такая, только гораздо круче. В России уже открыта сеть магазинов, скоро и здесь появятся. Это просто вы

пока на своём девятом этаже об этом не знаете, уже и по телевизору по новостям показывали, вы что – правда не смотрели?! – Линда обводит стол недоуменно-разочарованным взглядом.

– О-о-о! Интересно... М-м-да... – сотрудники после раков снова начали щипать хлеб, – Эх! Мы же сладкое не заказали, – Катерина, пряча зависть к русским с новыми фирмами в карман, глубоко затянулась сигаретой и струсила пепел на пол, – что будем? Халву? Нико говорит, что халва здесь чудо, как хороша. Даже из Кавалы сюда приезжают за ней.

– Хорошо, что не из Канады! – Сострила Линда, но её не поняли.

– Ну, почему же! Бывает, что и из Канады, – очень серьёзно сказал Такис.

«Чудесной халвой» оказался застывший пудинг из манной крупы, облитый холодным киселём. Все опять тянули куски манки с общей тарелки через весь стол и подставляли ладошку под струящийся на бумажную скатерть и одежду холодный кисель.

«Любопытно, – думала Линда, – почему к десерту нельзя подать мороженое или простые тарталетки? Или зачем после рыбы и раков есть отжатый кефир с мёдом?» – Но внезапно она вспомнила утреннее внушение о «культуре питания» и тут же с новой силой кинулась отвоёвывать место под солнцем.

– Э!!! Ты где? Я? Ха-ха! Если б ты знал, где я! Ха-ха! Ты бы умер от зависти! Знаешь, с кем я? Не скажу-у-у! Нет, скажу-у-у! И ты умрё-ё-шь! – Приглашённые друзья, за ними «друзья друзей» и «лица» плавно переходили к завершающей стадии общего обеда. Они дружно, как по команде, вытащили мобильные телефоны и начали звонить своим товарищам и знакомым, очень подробно рассказывая, где они находятся, с кем, что сейчас съели и выпили, как было вкусно, как жаль, что его – телефонного друга – с ними не было, и что в следующий раз они обязательно его, ха-ха! с собой возьмут! Они передавали друг другу трубки, вырывали их из рук, в процессе рассматривали эти трубки, восторгались, или критиковали.

– Хороший телефон, – Коста крутил в руках чью-то мобилу, – новый? Да, неплохой. А чего ты не взял такой, как у меня?! Вот, посмотри... – и тут демонстрировались все огромные достоинства телефона Косты, – ...поэтому, – завершал речь хозяин трубки, – я тебе и говорю: твой тоже ничего, нормальный, но вот мой!!! Ладно, уговорил: покупай мой, а я завтра себе другой возьму... Недорого отдам...

Потом хозяин таверны сделал музыку погромче и все начали раскачиваться на задних ножках стульев, не сходя с плетеных табуреток. Греки, оказывается, все любят танцевать, только делают это, в основном, сидя.

Оживление за столом близилось к апогею.

Вдруг Такис густо пукнул. Все весело рассмеялись.

– Русская, – он обернулся к Линде, – ты же знаешь, что газы в себе держать вредно? Пуканье – это здоровье!

– Папаша, – Петрос давился от смеха, – в таком разе, папаша, ты самый здоровый человек на свете! Ты столько пердишь! Папаша, я так горжусь тобой, папаша, – Петро полез к отцу целоваться, чего раньше никогда не делал.

Внезапно Линда почувствовала невероятный приступ радости за папашу Петроса, за то, что он очень здоровый, весёлый и совершенно замечательный человек. Так сказать, полный идиотис. Тут же стало совершенно безразлично, почему к обеду не подали тарелок индивидуального пользования? Зачем Катерина взгромоздилась на стол и скачет, в смысле танцует на столе, топча и раскидывая тарелки и еду?

Какая разница, почему «болельщики», когда хотят выразить восторг танцующему, запускают в него пачкой салфеток, почему жилистых и тощих раков пекут, а не варят, и зачем в прекрасное вино наливают Кока-Колу, а в анисовку воду; зачем крадут чаевые с соседних столиков и туалетную бумагу в местах общественного пользования, и почему без тостов чокаются всем, что налито в стаканы, включая дистиллированную воду, и многое, многое другое, а потом проглатывая это, ничего не говоря. Всё стало вовсе не глупо, а очень даже здорово!

– Господа, тост! – От возбуждения Линда совершенно забыла о своих поисках места под солнцем и лезла на рожон, плюнув на необходимую скромность в своём поведении: – Господа! Я знаю, что слово «тост» у вас обозначает тощий, сухой бутербродик с огрызком колбасы, но, у нас «там», – она выразительно кивнула в сторону, – у нас «там», за столами произносят тосты, в смысле пожелания каждому, сидящему. В принципе, я вижу, вам всё равно за что пить, пейте за человека, а ему станет приятно. Знаете, как русские живут? Они могут говорить друг другу хорошие слова вовсе не в День рожденья или именины, а просто так, в любой день. Даже могут выйти из дому за колбасой, встретить знакомого, захотят «обмыть» это дело, у русских «отпраздновать» называется «об-мыть», купят бутылку, начнут «обмывать» встречу и таких наговорят друг другу красивых слов. Я повторяю – просто так! Даже не в Пасху и не в Хри-стугена, каждый день, почти как вы ходите по ресторанам. Вот сегодня что за день, да ничего! А я могу сидя тут за столом взять и пожелать всем чегонибудь, кому чего больше всего надо. Вот тебе, дорогая Катерина, я от всей души желаю, чтоб Коста женился на тебе, и чтоб ты родила четверых детей.

– Ого! Четверых много! – Катерина делала вид, что несколько смущена, хотя глаз заблестел.

– В самый раз! Да и Коста, я думаю, будет не против, – Линда опять орала одна, – по крайней мере, от самого процесса навряд ли откажется.

– Кто его спрашивает! – Заведённый коллектив сопел от восторга, – Если что, мы помочь можем! В любое время, пусть Катерина только скажет!

– Такули! – Линда повернулась со стаканом к «идиотису», – Тебе много-много клиентов, заработать денег и чтоб на всё это у тебя хватило здоровья. Если что не получится – тебе мой брат Ёрго свою тележку отдаст. Будешь и ты бегать от «Дульси Кампана» и до куда хочешь.

– Тебе, Нико...

Буквально за полчаса она нажелала всем и всего. И «друзьям», и «друзьям друзей», и бывшим «незнакомым лицам». Официанты приносили ципуро ещё раз пять. Но самое странное – никто не попытался перебить или откорректировать её поведение, всем было ужасно любопытно впервые в жизни послушать столько интересного одновременно и, практически, без всякого на то повода. Уже наливал каждый сам себе и пил с большим интересом.

– Русская, а что у вас «там», – Такис обнял её за плечи и опять кивнул в сторону высоких гор, – ты не врешь, и действительно не надо ждать именин или Дня рожденья, чтоб тебе сказали что-нибудь приятное и не по, чёрт возьми, телефону?!

– Обижаешь, начальник! Да хоть каждый день ставь бутылку, и каждый день публично будешь возводиться в ранг святых! И не только ты, и жена твоя, и любовница, и дети, и тёща!

– Ой, не напоминай мне о ней в такую божественную минуту! – Такис вздёрнул ноздри вверх.

– Да не буду, дай Бог ей здоровья! – Линда понимающе подмигнула, – Давай, зайчик ещё раз за тебя, надеюсь, никто не против?

– Слушай, Русская, какие-то вы все странные! Насколько я только что понял, «там» не так уж плохо и жилось? Какие-то обычаи интересные... культура какая-то... странная, конечно... не такая, конечно, как у нас великая и древняя, но... как бы это сказать? Что-то в ней тоже есть, – Такис почему-то вдруг шумно занюхал чёрную корочку.

– Совсем неплохо!

– А чего приехала? – Начальник громко икнул, не прикрывая ладошкой рот, как это обычно делают греки.

– Я-я-я?! – Линда совсем окосела, – Потому, что знала, что встречу здесь тебя! Никогда в жизни мне не доводилось работать под руководством столь чуткого, столь знающего, столь справедливого и щедрого руководителя. Господа, я что-то не то говорю? Наливайте по следующей и снова за Такиса!!!

Потом они опять все вместе поехали праздновать ещё куда-то, потом пить кофе опять куда-то...

– Боже! – Линда была в восторге от самой себя и своей компании, – Если б только... если б только Голунов мог меня видеть! Да он бы гордился мной! И ничего, что он ходил по поликлинике в белом халате на голое тело, да ещё «без лифчика». Вот интересно, как он ходит по своей драной Канаде? Фу, блин! Я не могу даже слышать эти проклятые три буквы «а» в трех слогах!!!

Назавтра опять был рабочий день. Первое, что Линда увидела в холодильнике, когда полезла за льдом – трёхкилограммовая коробочка фруктового мороженого.

– Русская, закрой холодильник, – Петрос стоял к ней спиной, но всё видел, – подожди две минуты – сейчас Катерина принесёт одноразовые тарелочки, будем есть мороженное. Представляешь, вчера Коста при нас при всех ей предложение сделал. И ещё: после часа не ешь. Мой папаша впервые за пять лет, что я с ним работаю, приглашает всех в таверну. Он снова хочет послушать эти русские тосты, которые ты ему говорила, потому что велел нам запоминать слова.

Всё это было так давно!

Такис умер от алкоголизма. Теперь Петрос хозяин технической. На похоронах, как и принято в Греции, не плакали. Отпели в церкви и опустили на полметра глубины в песчаный грунт ровно на три года. А через три года в Греции выкапывают. Говорят, что мест нет под кладбища...

Коста на Катерине так и не женился, потому что оказалось, он давно женат, у него есть сын и дочь в деревне. Да, конечно, все об этом знали, и Катерина знала, даже здоровалась с его женой, когда та приезжала, но не хотела портить себе досуг. Никто больше не желает ходить в таверны, никто больше не танцует на столах от безотчётного и безудержного веселья. В стране кризис. Затянувшийся и скользкий, как петля-удавка на шее. Вхождение в Евросоюз было связано со множеством побочных эффектов, как и положено хорошему, сильнодействующему лекарству. Экономика, и без того шаткая и валкая, базирующаяся исключительно на половом влечении туристов к колыбели древней культуры, окончательно развалилась. Почти все действующие производства вывезли в развивающиеся Албанию и Болгарию с бесконфликтными рабочими руками и дешевой силой, просыпающейся после ночной гулянки и приступающей к своим трудовым обязанностям не к двенадцати пополудни, как настоящие эллины, а гораздо раньше. Гос служащим стали задерживать, а после и вовсе сокращать зарплаты. Сперва тринадцатую, типа «доро», как они говорили, «подарок», а потом и обычную. Смена партий каждые пять лет с «зелёных» на «голубые» и с «голубых» снова на «зелёные», как будто нет другого цвета, привела страну в состояние полнейшего не стояния и глубокой депрессии.

Но, народ никак не мог, да и не хотел понять и привыкнуть, что как раньше не будет никогда. Ухоженные дамы не понимали, какая тут связь между отсутствием денег у мужа и её педикюром с парикмахерской?! То есть, она должна так жить. То есть, она так живёт. Ну, нет сейчас, значит, она сделает это в долг, заплатит потом, когда будут. В банках стали выдавать очень хитрые кредиты без предоставления налоговой декларации, например, на поездку в отпуск. Несколько тысяч евро – зато как круто отдохнуть в долг. А потом ничего страшного. Так, сига-сига (по чуть-чуть) расплатитесь. И ведь брали, ведь ездили! И хвастались друг перед другом, у кого больше «ушло».

Греки, конечно, долго держались, не боясь швырять богатые чаевые и соревнуясь друг с другом, кто больше заплатит на «бузуки» – в ночном ресторане, где подают за бешеную цену один нарезанный банан на человек десять-двенадцать и по рюмашке анисовки. Зато можно было всю ночь напролёт танцевать на столе, под столом, раскачиваясь в такт дивным нанайским напевам. И не беда, что завтра вторник, работа – не креветка, подождёт, не протухнет. Поздно, очень поздно, но в какой-то момент до потомков великих эллинов таки дошло, что

пояса всё же придётся затянуть потуже. И о пустели улицы с магазинами, и погасли яркие рекламы, электроэнергия оказалась не по карману дорогой. Даже на Пасху и Рождество перестали украшать витрины. Тягостный дух сомнения воспарил над страной.

А Рождество-то оказалось двадцать пятого декабря! Линда безмерно обрадовалась, что «Рождество» это оказалось Рождеством Христовым.

В Греции все праздники связаны с религиозными событиями, только один или два – с историческими.

Когда Линда, наконец, открыла свой собственный стоматологический кабинет и стала работать одна, на радостях в кризис она к Рождеству нарядила ёлку, купила себе подарок, велела в магазине сложить его в коробку и обвязать красной атласной лентой потом его положила на пол под пушистые хвойные лапы села и стала ждать. Она была уверена, что сегодня, в этот волшебный вечер произойдёт чудо. Она не спала до утра, но чудо не произошло. Никто не пришёл, никто не позвонил. Да нет, многие звонили, но какие-то всё не те. И все были грустными, и казалось, что их звонок – просто исполнение дружеского долга.

От всей этой суеты и ожидания не сбыточного счастья стало очень одиноко и страшно. Она вспомнила, как мечтала о весёлом Рождестве в небольшом уютном домике с тёплым светом в заснеженных окнах, о красивых и светлых людях, о детских голосах и пении Ангела. Но, в Греции не бывает снега и люди тёмные, потому что загар их не успеваешь поблекнуть от лета к лету. В Греции на Рождество вместо снега на деревья вешают гирлянды из тысячи разноцветных лампочек. На улице душно. Можно даже не надевать куртки, ходить в жакетах и кроссовках вместо сапог. На окнах не бывает ледяных узоров, стирание белья никогда не пахнет морозной свежестью. Запах хвои и чистого белья, наверное, есть в Канаде...

При чём тут эта Канада?! Сколько ж можно?! Сколько можно идиотничать и развлекать себя разными байками? Человек тебя сто лет не помнит, что ты привязалась к нему, как дура?! Он тебе кто, папа? Брат?! Муж?! Любовник?! Кто он тебе?! Что ты вечно выдумываешь и нагнетаешь, как будто тебе не о чем думать.

Всё это, конечно, так... но ведь так хочется, чтоб Он только посмотрел на Линду и удивился, что она уже давно не Гадкий Утёнок. И сказал бы что-нибудь, типа – ох, какая ты стала, Шерочка с машерочкой, и улыбнулся своей загадочной улыбкой. Может, похвалил бы за то, как она умело забивает грекам баки... Ну... и потом бы, как всегда, ушёл.

И Линда бы на него с удовольствием посмотрела. Интересно, каким стал Он, этот Боря, который на самом деле Саша? Худым или толстым? Весёлым или задумчивым? У него есть дети? Семья? Что его радует, что греет душу? Наверное, Он ещё красивей, чем был. Это из тех мужчин, которые с возрастом становятся лучше, как крепкий виски, как настоявшийся кофе...

Какие всё это глупости. Линда, ты хамеешь, чего тебе не хватает? Работа есть, жить есть где. А тебя всё куда-то зовёт твоя неприкаянная душа, которой безмерно неуютно, которой плохо. Она томится и медленно гаснет и скоро умрёт. Тебе не нравится греческий жаркий климат, тебя раздражает скученность домов, тебя бесит, что все живут, как в одной большой деревне – никуда не спрятаться, не скрыться, никто никуда не торопится. Тут даже нет нормальных жёлтых листьев.

Греки не любят деревья и очень тщательно их вырубают, поэтому город сверху похож на плотный известковый муравейник. В Греции, оказывается, деревья закрывают людям солнце. Неужели в Греции можно спрятаться от солнца?! Оно же везде, здесь даже огурцы жёлтые. А, им деревья «закрывают».

Невозможно же так жить. Невозможно, когда «каникулы» – это полмесяца на горячем пляже с бешеными ценами на еду в курортной зоне, купание в сверх солёной воде залива в два часа дня, в семь вечера – отход домой, до двенадцати ночи – полуденный сон, а с двенадцати ночи и до утра – приём пищи. Наутро опять сон до двух. Это греческие каникулы.

– Что, по твоему, отдых? – Подруга – платиновая блондинка с грубой кожей и большими родинками – смотрит в полном недоумении, подняв бровки, – А как ещё отдыхают?!

– Отдых – это когда я живу не с давленными на стенах комарами в непонятной комнатке, а отдых – это классная гостиница, завтрак, обед и ужин в ресторане. Приезжает автобус, везёт меня на экскурсию. В музей, например, в Альпы...

– Альпы – это город?

– Нет! Альпы – это кондитерская!

Греки добрые, хорошие, милые, но это ж невозможно!

Наверное, давно надо было выйти замуж, жить как все нормальные женщины и не умничать. Конечно, были в её жизни мужчины, но всё это было как-то несерьёзно. Поначалу она в них влюблялась. То есть, очень твёрдо внушала себе, что объект напротив достоин её внимания. «У него, – перечисляла себе Линда, – проблески интеллекта. В зачаточном состоянии, но вроде бы, есть, выразительные глаза, неплохие физические данные. Если интеллект развить, данные подкачать, то может выйти нехилый „мэн“».

Потом, с трудом уговорив себя на влюблённость, она начинала страдать – ждать звонков от будущего «мэна», ревновала, плакала. Одним словом, начинал иметь место весь пакет паралюбовных акций. Потом Линде надоедало, что объект не хочет ни повышать свой моральный уровень, ни гантели таскать, но хочет пива и «ро» – жутко жирные мясные бутерброды из горячей свинины и картошкой «и». Вообще всё это – игра в одни ворота, потому как уже со второго, третьего свиданья объект начинал истерить, не понимая чего от него, собственно, странной подруге надо?

Потом Линде надоедало страдать, хотелось большой и чистой обоюдной любви. Она сама рисовала, сама рвала так и не начавшуюся связь, снова страдала, только уже от одиночества, и страдала ещё больше; потом впадала в депрессии, потом с огромным трудом, приведя себя в порядок, снова «влюблялась». Она привыкла. Состояние постоянной «влюблённости» в кого-то или во что-то с вытекающими из него ужасными душевными катаклизмами стали образом её жизни.

Они были Линде просто необходимы, чтоб было, зачем вставать по утрам и чистить зубы. И она каждое утро вставала и чистила зубы. Связать же свою жизнь насовсем, чтоб прям замуж, чтоб с церковью перед всем честным народом?! А за кого выходить? За такого, как покойный Такис, которому что чихнуть, что пукнуть в обществе всё едино? Даже пукать он любил чаще, потому как говорил, дескать, полезней. Столько пукал и всё же умер?

Мда... Никто в мире не от чего не застрахован. Или выходить за такого, как Коста, так и не осчастливившего, влюблённую в него до зелёных соплей, Катерину? За Косту, который у Линды в своё время спрашивал, «сколько дней „от них“ до Австралии на поезде»?!

Вся Греция – каждодневный праздник, бешеный и сумасшедший. Лёгкие отношения, лёгкие встречи, лёгкие разлуки. Чем кто-то из местных мачо с пеной на зубах будет ей доказывать, если долго бабу трахать, шансы, что родится мальчик растут на глазах.

Зачем её всё это?! Лучше жить одной! Когда ты одна и тебя никто не отвлекает, ты знаешь, что средневековый орган собора святого Стефаноса в немецком городе Пасау способен извлечь четыре тысячи звуков, а не семь нот октавы, и ты эти звуки улавливаешь, ты их прямо в воздухе слышишь.

Одни слышишь, другие входят в тебя через мельчайшие поры в коже, резонируют в каждой клетке, усиливаются, поэтому во всём теле твоём живёт музыка.

Только кому это надо? Греку – жениху? Не, ему не надо. Ему важно чтоб жена умела готовить гемисту (фаршированный перец с рисом) и ездить летом на море, чтоб считать «бани». Да, греки считают, сколько раз они купались, это называется «баня». Греки хорошие, они замечательные, но... но они другие...

Тогда, давно это было очень грустное Рождество, поэтому Линда больше не встречала его одна и не делала себе подарков. Она с тех пор старалась встречать этот праздник не дома, а где-нибудь с друзьями. Но теперь друзья тоже устали от хронической борьбы за свою нишу в этом новом, довольно необычном для них мире, мире, где, например, «даю слово!» – Пустой звук, а денежные долги надо простить и забыть, как Господь прощает нам прегрешения наши.

Друзья устали от ежедневного добывания денег, от бесконечной борьбы с действительностью. Они нарожали множество детей, стали слишком серьёзными и напоминали увядшие бутоны, так и не успевшие распуститься. Они все один за другим сперва становились задумчивыми, потом меланхоличными, потом начинали странно заговариваться, рассуждать всё больше на общие, ничего не значащие темы о глобальном потеплении, об урбанизации Пакистана, об изменениях климата в ближайшие тысячелетия, как будто, была большая разница, исчезнет Земля через пять миллиардов или миллионов лет. Иногда говорили о работе и считали деньги.

Прекрасная половина ударилась в другую крайность, она, позабыв своё вероисповедание христиан-ортодоксов, пустилась без оглядки в китайское учение – фен-шуй. Часть жён друзей теперь интересовались исключительно инью и янью, превращали свои жилища в какие-то ведьминские берлоги с многочисленными лягушками спиной к входной двери и защитами от «ядовитых стрел», направленными на них с острых углов зданий напротив.

Другая часть подалась в Свидетели Иеговы¹, она празднично шаталась по улицам, всучивая заезавшимся прохожим брошюры и книжки с цветными изображениями приторно-слащавой жизни и всем обещали «скорое избавление» от тягот жизни на том, лучшем свете. Вокруг шли постоянные дебаты, говорить ли на русском, обучать ли русскому детей, или забыть как можно скорее, разлиться и раствориться в местных эллинах, чтобы даже золотые серьги 583 пробы не выдавали выходцев из стран бывшего СНГ? Многие разучились слушать... многие – слышать... и это было так ужасно. В Греции каждодневный праздник медленно, но целенаправленно перетёк в массовую истерию.

Однажды Линда услышала по телевизору, что космонавты на орбите «очень скучают по шуму дождя». Пустой звук! Эта фраза – пустой звук для того, кто не был на орбите... или для того, кто не жил в Греции. Как можно радоваться десяти месяцам лета без весны и без осени?! Однако! Есть, конечно, в Греции одна такая гора, куда можно поехать за снегом. Да! Она не так уж и далеко! Снег на ней, правда, искусственный.

На гору, обычно в выходные едет пол Македонии. На лыжах, естественно катаются, единицы. Основной контингент едет в тамошнюю кафетерию, чтоб подождать внизу тех, которые катаются. Можно взять одноразовые санки. Они похожи на пластмассовые совки для мусора. Сядишься на такой совок и аккуратно считаешь задом все торчащие из горы камни, на которые у организаторов не хватило «снега». Радости, визгу!

А самое большое счастье – что ты вот сейчас снова сядешь в свою машину, пристегнёшься своим ремнём безопасности и через два часа будешь сидеть у себя дома, или на набережной и пить холодный кофе-«фраппе» со льдом. Времена года – это извращение, в наше время самое важное – желания клиента. Хочу солнца, теперь снега, теперь котлетку из говна... Помидоры с кочанами, квадратные арбузы, выращенная отдельно от коровы, говядина, карамель со вкусом жжённой резины, пластмассовые цветы, пластмассовые улыбки, пластмассовые отношения, пластмассовая жизнь, и все вокруг счастливы, и платят, платят, платят. Дай им Бог...

«А мне?! А как же я?!» – Линда понимала, что это нервный срыв, что это добром не кончится, но пыталась обмануть сама себя, – Это хандра... это пройдёт, – она себя уговаривала,

¹ Здесь и далее: Организация, запрещенная на территории РФ.

как если б сидела на краю постели душевно больной, гладила её по спутанным волосам и шептала на ушко: «Скоро всё образуется... Ты только потерпи...»

Когда «образуется»? Разве в Греции, кроме древних развалин Акрополя и Парфенона появится ещё что-то? История Древнего Мира – это, безусловно, прекрасно, но кроме могилы Филиппа Второго – отца Александра Македонского должно же быть ещё что-то! Всё давно растащили. Туристам нечего показывать, поэтому Греция – это шоп-тур в Касторью за шубами.

Только зачем врать себе и всем вокруг, делая вид, что не замечаешь, будто «колыбель культуры» давно уж не колыбель, а нужник всей Европы? Распроданный, розданный за долги небольшой такой нужничок, омываемый Эгейским морем. Теперь же государство, кроме того, что влезло в гигантские долги и собирается объявить дефолт, так ещё перед этой процедурой решило позабавиться и просто так собрать государственные налоги с граждан по второму кругу за год. Вроде как – мы ошиблись, надо сделать перерасчёт. Когда «изменится»? Когда греки перестанут есть фаст-фуды, роняя себе на грудь картошку-фри и обмазывать всё лицо горчицей? Разве греки начнут приобретать книги?

Линда вообще никогда себе не могла даже представить, что существуют дома, где нет ни книжных шкафов, ни даже книжных полок. Есть бесконечное лето, голые зады на море и без него, есть камин без вытяжки, а книг нет, равно, как и греческого кинематографа. И никогда не будет, потому что они себе слишком нравятся. Но, раз не изменятся греки, значит надо меняться самой?

Нет... это невозможно! Всё, что могло с ней произойти, уже произошло, разлом прошёл через всё тело и не желает заживать, а возможно, придет день, зажжётся в воспалённом мозгу красная кнопка и механический голос скамандует: «Перегрузка! Пип! Внимание! Перегрузка!»! Что же тогда делать?! Что будет?! Может, можно предупредить этот красный плакающий огонёк?! Если подумать?

Ничего... ничего страшного... прежде всего, взять себя в руки. Надо выяснить, откуда именно лезет эта хандра со своими мерзкими, мокрыми холодными щупальцами, и сжимает сердце так, что оно больше не хочет биться. Надо узнать, откуда она лезет, и тогда можно будет что-то изменить. Засунуть её обратно, – Линда пытается спрятать голову под подушку, как будто мысли это нечто материальное и лезут в её голову из воздуха. Вдруг ужасное открытие заставило забыть её и об искусственном снеге и о санках, похожих на совок: оказывается самый страшный греческий кризис не в кармане, самый страшный кризис начинается в голове.

– Значит так! Успокоилась! Я сказала, успокоилась! – Линда отрывает ладони от лица и смахивает слёзы, – значит так: чтобы взять себя в руки надо, прежде всего, понять, чего тебе не хватает? Чего именно и с математической точностью. Мыслей? Чувств? Ощущений? Новых встреч? Дождя? Снега? Ну, так и беги за всем этим! Беги, ищи, почувствуй себя снова нормальным, здоровым человеком. Ищи, где зима – это зима, а лето – это лето. Бери путёвку или билет, и лети встречать Новый год хоть... да, хоть... нет... в Россию не получится – нужна виза... получится куда? Где в Европе снег? В той же Германии! Тем более, Германия не скоро забудет русских, они, можно сказать, теперь на веки вечные одной верёвкой связаны.

Тебе нужны новые или хорошо забытые старые ощущения? Типа, «Будь готов! – Всегда готов!» Запросто! Езжай в Лейпциг! Там и по-русски говорят, и есть музей ГДР – живого бесконечного наказания немцам за то, что приютили у себя фашизм. Можно будет и пионерское детство вспомнить, и за папу, всю жизнь мечтавшего встретиться с лидером немецких коммунистов Эрнстом Тельманом, оторваться по полной.

Ты всю жизнь хотела посмотреть концентрационные лагеря? Да кто ж тебе не даёт! Езжай на могилу того же Тельмана – немецкого коммуниста, точнее, в Бухенвальд – там, правда, нет могилы – его сожгли в крематории в общей печи, но есть мемориальная доска. В Германии сейчас идёт снег. Езжай, наслаждайся! Забудь о греческом кризисе, подумай о вечном...

Вот и все проблемы! Помёрзнешь на вокзале, возложишь венки, и возвращайся домой обновлённая и умиротворённая. Вообще, вот мысль: как ты думаешь, почему в Германии есть города, в которых жили целые плеяды великих людей? Почему маленький Веймар является духовным центром Германии, где на малюсеньком клочочке земли творили и Гёте, и Шиллер, и Бах, и Ницше? Почему от Веймара до Бухенвальда можно дойти пешком?! Почему самые знаменитые психиатрические клиники в мире находятся на территории Германии и Австрии?

Линда вдруг покрылась липким потом. «Боже! Какая жара! Зачем они так сильно топят?!» – Она спрыгнула с дивана и подошла к калориферу. Как ни странно, но и трубы, и сама батарея были абсолютно холодными. Их не включали, кажется, со вчерашнего вечера. Линда с удовольствием прислонилась к железной трубе. «Да у меня сейчас на лбу отпечатается эта труба парового отопления не хуже, чем у Есенина, повесившегося в гостинице «Англетер», – юмор всегда придавал ей силы, а «великий и могучий» действительно был единственной опорой. «Ну, так, если вешаться, так тоже в гостинице и на горячей батарее, а не в этой убогой однокомнатной квартирке», – почти уже весело подумала она.

Действительно, почему бы не встретить Новый год не с ватным снегом, пропитанным выхлопными газами, а с нормальным, белым, чистым, замечательно холодным. И всего-то, всего-то перейти через дорогу и купить себе путёвку в любой город Германии. Куда есть – туда и лететь. Деньги... а ну их, эти деньги! Есть же там, в шкатулочке, чтоб заплатить за страховку и за свет – и фиг с ним, с этим светом, да и со страховкой заодно!»

От такой совершенно гениальной мысли Линда заметалась по комнате. Она хватала и швыряла на пол совершенно ненужные вещи, зачем-то несколько раз выскочила на балкон, потом долго не могла найти второй носок. Решив, что вовсе нет никакой необходимости надевать оба, всунула ноги в полусапожки. С трудом найдя ключ от квартиры, она выгребла из фарфоровой коробочки всё, что было подчистую, и, захлопнув дверь, застучала каблучками по мраморной лестнице. «Уже должно быть открыто! Уже скоро десять. Ну да, ладно, если что – на улице подожду. Но, скорее всего, под Новый год у них должно быть больше работы. Открыто, должно быть...»

Оно и было открыто. Турагентство.

– Мне в Германию на Новый год! – Линда только сейчас поняла, что всё-таки стоило умыться. Турагент смотрел на неё с явным недоверием, вертя в руках европейский паспорт с крестом «Эллиеникис демократияс», видимо, не очень веря в его подлинность.

– Почему же вы раньше не пришли? – Заучено елейным тоном пропел он, – Мы бы вам подобрали что-нибудь... ну... как сказать, – он очень выразительно посмотрел на Линдину неделовую куртку, – что-нибудь по экономичней. Дело в том, что все путёвки раскуплены ещё несколько месяцев назад...

«Ага! Вот он, греческий кризис», – Линда чуть не фыркнула, вспомнив, с каким трудом выбивает из клиентов честно заработанные деньги, а они – эти потенциальные клиенты, оказывается, за несколько месяцев вперёд заказывают себе путешествия по Европам.

«Вот, стало быть, и замечательно, – обрадовалась Линда, – Вот я и адаптировалась, наконец, и стала настоящей европейкой! И за свет, и за страховку я заплачу по приезду. Возможно, заплачу. Ага... отдам... половину... потом.»

– Не пришла, потому, что просто не пришла, – Линда откровенно удивлялась, – вы мне покажите, чем торгуете, а уж дальше в личной экономике я сама разберусь.

Молодой, но уже с хорошим брюшком и залысинами агент, не отрываясь, всматривался в монитор, время от времени отхлёбывая из чашечки с присохшей по ободку кофейной гущей совершенно остывший кофе.

– Вот... Вот есть Берлин – Дрезден – Веймар – Лейпциг, это Восточная Германия.

– Совершенно гениально! – Линда даже не поняла, он специально для неё выбрал это направление, определив по акценту «бывшую», или всё вышло совершенно случайно? А какая собственно разница? Главное, что можно ехать.

– Там в программе посещение Бухенвальда есть? – Линда смотрела на агента правдиво и честно. И всё равно он подумал, что она издевается.

– Да! И именно в Новогоднюю ночь! Всенепременно с песнями и плясками ансамбля Александрова, – проскочила по его лбу бегущая строка. Однако, видя, что Линда не со зла, агент с трудом, но всё же передумал упражняться в остроумии, – от Веймара это недалеко, – выдавил он, внимательно рассматривая за спиной Линды дверь в туалет, вы можете взять машину напрокат и поехать своим ходом. В Бухенвальд встречать Новый год.

– Сколько это всё стоит? В смысле, экскурсия по Германии.

При ответе «сколько» она чуть не рухнула со стула. Удивительно правильно поняв её замешательство, турагент, досверлил взглядом дырку в туалетной двери и снисходительно пожал узенькими плечиками:

– Тридцать процентов новогодняя надбавка.

– Да хоть пятьдесят! Я хочу ехать, и я поеду! – Линда дёрнулась так, как если б пузатенький сотрудник её не пускал, хватая за лодыжки, – Я должна ехать! – Зачем-то прибавила она, оправдываясь то ли перед собой, то ли перед ошарашенным агентом, то ли перед страховой компанией, которой она долго будет обещать расплатиться.

Она не летала двадцать лет. Она просто умирала от страха при одном виде аэропортов, даже по телевизору.

Самолёт оказался маленьким и жирненьким. Вообще-то это раньше он назывался «самолёт», а теперь это был «борт» – кратко и чётко, можно сказать, по военному, «борт». Похоже на немецкое «хальт!» и всё. Прямо было непонятно, как такой пончик, совсем мирный и не похожий на «борт» сможет гавкнуть «Хальт!» и подняться в воздух. Но пончик поднялся.

Линда, вцепившись в подлокотники до потери чувствительности в подушечках пальцев, постоянно наблюдала за выражением лиц таких красивых и смелых немецких бортпроводниц. Они постоянно что-то спрашивали у пассажиров, предлагали то кофе, то купить какую-то фигню за бешеную цену. Однако, видимо именно за их успокаивающие улыбки пассажиры и покупали эту самую фигню.

Вдруг звук в самолёте поменялся. Приятный голос что-то объявил сперва на немецком, потом на похожем на немецкий английском. Ни по-русски, ни по-гречески голос не выдавил из микрофонов ни звука. Линда почувствовала, как вытягивается её лицо. Но бортпроводницы продолжали весело улыбаться и щебетать, а пассажиры как-то оживились, завозились на креслах, кинулись есть дармовой аэропортовский шоколад. По всплеску их энергии Линда поняла, что борт пошёл на посадку. Она расслабилась и наконец, решила выглянуть в иллюминатор.

Серебристо-белые, какие-то спутанные воздушные нити были, конечно, облаком. Это об него строгий борт шуршал своей обшивкой. Вот просветы начали увеличиваться. Сперва в них можно было разглядеть только отрывочные картинки, то дороги, то какие-то редкие постройки. Самолёт в одно мгновение вынырнул из серого тумана, и Линда увидела снег.

Сне-е-ег... не лежащий кусками, как если б его раскидал поутру пьяный дворник лопатой, не облезшая и подтаявшая мартовская жижа, а сне-е-ег... замечательный, нежный, пушистый, похожий на детское «ватное» мороженное, которое Линде в отличие от настоящего родители есть разрешали, потому что она бы от него не заболела. «Наверное, он ещё идёт, – с восхищением думала она, – эти серые облака, в которых мы летели, его и роняют. Облака осторожно сыплют снег на столицу Германии – Берлин...

Сне-е-е-г... настоящий и ласковый... Боже! Как, оказывается, я по нему соскучилась! Не по детству с мамой при советской власти в бывшей вотчине генерала Ермолова, а именно

по снегу. Заглушающему все ненужные звуки, лечащему израненную душу, убаюкивающему и нежному, как любящая няня. В Берлине идёт сне-е-е-ег... Это такое чудо...

А вдруг, правда, на этот Новый год случится чудо?» – Линда вдруг оторвала руки от подлокотников и нервно скрутила волосы на затылке, словно они ей взаправду мешали. Она давно носила длинные волосы, почти с тех пор, как объяснила маме, что их «встреча была ошибкой».

Борт сел мягко и совсем незаметно. Пассажиры радостно зааплодировали и начали высвобождаться из ремней безопасности.

Снег в аэропорту падал не меленькой россыпью, а большими ажурными хлопьями. Огромные стройные ели с рыжими стволами стояли, склонив убелённые головы, издали напоминая любопытных зрителей, внезапно замерших на средневековой площади, шокированные видом величия гильотины. Даже расплывчатый вид из маленького самолётного иллюминатора не мог умалить ощущения самоуверенного спокойствия, казалось бы, сочившегося из пор этой Земли. «Вот она какая, Германия!» – С удивлением подумала Линда, – «Монументальная и гордая!»

Экскурсии по Берлину начались в тот же день. Группа подъезжала на автобусе к историческим памятникам, они выходили, слушала рассказ, осматривалась и они ехали дальше. Было немного неловко от того, что гид говорила по-гречески. За двадцать лет греческого существования Линда, конечно, выучила язык очень хорошо и говорила практически без акцента, но то, о чём рассказывала гид, должно было для неё звучать, безусловно, на русском. Только слова, произнесенные на родном языке, могли проникнуть в самое сердце, вызвать всю желаемую гамму чувств при виде заснеженного Берлина.

– Первое упоминание о Берлине датируется 1244 годом, – голос гида восторженный, почти на срыве. Сколько экскурсий в неделю проводит эта женщина? Она далеко не девочка. Глаза горят, словно ей в финале «Фауста» аплодирует весь зрительный зал, – Берлин – одно из самых любимых туристических мест международного значения. Его часто называют «Северной Венецией» за огромное количество речушек и каналов, соединяющих и разделяющих город. Всего в Берлине насчитывается девятьсот шестнадцать больших и маленьких мостов...

Боже! У них девятьсот шестнадцать мостов, а у нас ни одного! В нашей столице Северной Греции нет ни одной несчастной реки, а значит и ни одного тощего подвесного, и тем более каменного моста с арками; моста с маленькими и большими торговыми лавочками, с дорожными сувенирами, пахнущими керосином, потому что раньше это были керосинные лавки; ни одного моста, с которого видно, как в дождь поднимается вода, от страха и безысходности дрожат коленки. Кажется, обезумевшая река сейчас разольётся и затопит всё живое. У нас в Салониках нет ни одного моста, ни одного, по которому в прохладную осеннюю ночь можно спешить домой в свете электричества или, ещё лучше, газовых фонарей. Стёртые от множества ног полукруглые ступеньки.

Раз-два-три... Каблочки нервно постукивают по холодному камню, выдавая торопливые шаги лёгких женских ножек. Внезапно из темноты выдвигается широкоплечий силуэт в чёрной разлеталке. Каблочки стучат всё медленней, совсем не дробно и, наконец, их звук исчезает, то ли поглощённый мраком, то ли ставшими мягкими камнями. Она замирает от ужаса. Она не знает – идти дальше, или бежать назад. Он медленно отделяется от фонарного столба и начинает приближаться. Подходит совсем близко, делает шаг вправо, перегораживая путь... лицо в тени... Она, молча, вздрагивает всем телом, и вдруг... вдруг в наклоне головы, в жесте узнаёт... Голубые глаза кажутся чёрными, но даже при тусклом свете немошного газового фонаря, она видит его взгляд – бесконечно нежный и страстный... Она...

Она то она, а ты... Ты что, офигела?! Какие «голубые глаза» и свежесладкий аромат абрикосовой косточки?! Тебе лечиться надо, матушка! Лечиться электричеством, а не пейзажами ГДР, никак не меньше! Прикатила в Германию на экскурсию и рисует себе картины мас-

лом: на старом обшарпанном мосту закапывается носом в мужскую грудь! Да ладно если б ещё кого-то реального вспомнила из последних греческих «женихов»! Ты, матушка...

– ...рядом с Кафедральным собором ...Бранденбургские ворота – национальный символ единства. На самом верху – окрылённая богиня победы Виктория возвращается в город на колеснице...

«И то место, где я родилась и жила, тоже называлось Городом. И Берлин тоже „город“, и там тоже... Мда... интересно – Городом ту местность, где я жила сами жители так называли, или кто сто стороны посоветовал? Пожалуй, со стороны... сам до такой ереси не допрёшь. Если б немцы вообще увидели плакаты из нашей городской стоматологической поликлинике с тем гигантским, похожим на злющую тётю Тину червяком в детском зубе, они б, наверное, подали на художника-оформителя в Страсбургский суд за возбуждение в детях психических расстройств».

– ...здание Рейхстага... стеклянный купол... передан дух немецкого оптимизма...

«Если б я жила здесь, если б лето было летом, а зима – зимой, если б граждане страны по ночам спали, а по утрам выполняли каждый свои обязанности, если б это Греция с развитой экономикой выделила на подъём экономики Германии деньги, а не наоборот, во мне бы тоже витал дух оптимизма, а так мой дух мечтает только о какой-то стабильности и покое».

Автобусные окна запотели, интересно, какая разница температур на улице и тут?

– ...выходим из автобуса. Перед нами Еврейский музей, – Линде показалось или гид действительно стала говорить тише и проникновенней. Её движения стали плавными, замедленными. Внезапно показалось, что эта немолодая женщина очень давно страдает от какой-то хронической болезни, но она привыкла к этому состоянию, привыкла жить с ним.

Это как больное сердце, и оно, это состояние с ней всегда, она так встаёт по утрам, движется, работает, но больно, очень больно! Сердце мучается, ноет, его сжимает огромный жёсткий кулак, и на работе, и дома, и в будни, и в праздники. И хотя все давно знают об этой боли, всё равно её надо прятать, делать вид, что ничего не происходит. Гид зачем-то надела очки. Ну, и что? В Греции все и зимой и летом носят очки, потому как зима и лето плавно перетекают друг в друга, и солнце не успевает поблекнуть, а здесь вроде как довольно пасмурно. Идёт снег. Она в очках...

– ...наиболее обсуждаемый во всём мире. Некоторые видят в форме здания разрушенную звезду Давида. Всё здание имеет форму разлома, как бы символизируя тяжесть жизни евреев, – она рассказывает сама себе, ей всё равно, слушают её или нет. Но её слушают. Внимательно и самозабвенно, затаив дыхание. «Почему только евреев?» – Линда прячется за спины экскурсантов и поворачивается к gidу спиной – «разлом» может быть символом любого из тех, кто много раз начинал жизнь заново. У меня свой «разлом», с углами и трещинами, у Голунова в Канаде – свой. И кто знает, превратится ли эта ломаная линия в дорогу, ведущую к храму?

– По мере прохождения по залам выставки, свидетельствующих о Третьем Рейхе, стены и потолок смыкаются, заставив посетителя почувствовать тесноту, тупик. Внутреннее пространство музея сделано таким образом, чтобы заставить посетителя почувствовать себя встревоженным, дезинформированным, вызывать в нём ощущения тех, кого изгнали.

«Ты мечтала о новогоднем чуде? Вот оно – твоё чудо. Обнажённые, как высоковольтные провода нервы и голова без шапки, усыпанная свежим снегом».

Линда запомнила только первый день в Берлине. Дальше все города были настолько нереальными, безумно прекрасными, с энергетикой и лицом, как могут быть только люди. Линда купалась в ощущениях, чувствах, желаниях. Её прямо обуюла жажда познания чего-то нового, доселе совсем неизведанного. Мозг её, изголодавшийся по мыслям, впитывал всё, и нужное, и ненужное, как промокашка из школьной тетради. Сила впечатлений всё усиливалась.

Линда начала путать города, совсем не запоминала названий небольших деревень и поселков, любуясь только на написанные германским шрифтом указатели, вывихивала шею

до головокружения, чтоб увидеть острые шпили средневековых замков. Однако, она знала – так бывает от перевозбуждения.

Когда она вернётся домой – всё встанет на свои места и разложится по полочкам. «Вот так, – злорадно думала про себя Линда, – Кто-то очень давно, ещё в Средние века хотел проколоть само небо высоченными готическими постройками, а тут вся наша греческая интеллигенция „вдарилась“ в восточные учения, стала прятаться по углам и вешать на окна сушеных лягушек». Хорошо: если мы такие крутые востоковеды, тогда кто сказал, что Атлантида – страна, погрязшая в роскоши и безделье, действительно покоится на дне морском?! Глупости! Затонувшая «Атлантида» – это переносный смысл, это «восточное иносказание». Да, она «затонула», но в переносном смысле.

На самом деле «Атлантида» – это современная Греция, которая после древних веков, то есть, через тысячелетия после Платона не дала мировой культуре ни одного писателя, ни одного композитора, ни одного учёного! Греция – страна без истории средних веков, без современной истории, с одной новейшей – с судорожно бьющим страну кризисом и огромным государственным долгом госпоже Ангеле Меркель. Она вот и лежит на «дне морском», распроданная по кускам, кусочкам на верёвки на тряпочки. И никогда эта затонувшая Атлантида не перестанет всю ночь плясать на столах, сейчас она немного затаилась; спрашивать, зачем русским столько медведей в квартирах и считать, что англичане совершенно не знают английского языка, потому что не понимают греческого произношения.

Да и Бог с ней, с этой Атлантидой! Если она не думает обо мне и бросает меня со своим кризисом на произвол судьбы, почему я должна думать о ней? Если государство не думает о своих людях, то и люди не обязаны думать о «своём» государстве. Линда, вся в сказочно-прекрасном очаровании, наслаждалась скрипом снега под ногами, вдыхала полной грудью морозный, хрустальной чистоты воздух.

Она впала в какое-то странное состояние анабиоза, когда всё, что мешает думать и вникать отбрасывается, как совершенно ненужное, мерзкое и назойливое. Она притрагивалась к стенам замков, осторожно водила пальцем по безупречной формы лепнине украшавшей залы, гладила витражи в кирхах, забывала есть и только, когда чувствовала, что всё плывёт, покупала знаменитую горячую гамбургскую сосиску.

Всё это – и ароматная вкусная сосиска, и замки, и старинные склепы, и занесённые снегом соборы вводили её в какое-то странное состояние немого восторга, внутренней торжественности. В Лейпциге ей страстно захотелось остаться в Томас-кирхе на всю службу, обнять волшебные металлические трубы органа, вознёсшиеся к самому своду, обнять этот инструмент, за которым сидел ещё Иоганн Себастьян Бах. Ей захотелось остаться в кирхе зрителем, сторожем, уборщицей, кем-нибудь, но только в этой кирхе.

Автобус бежит к Веймару.

«Веймар... Зимняя сказка!» – Так писали все путеводители. Действительно, он больше похож на нереально пышные театральные декорации, чем на город, в котором сейчас может жить любой. А тогда, в восемнадцатом веке творили Гёте, Шиллер, Бах, Ницше. Веймар – место паломничества немецкой интеллигенции. Здесь вся земля сочится миром, как в церкви. Это святое место. Шиллер и Гёте – все они посланники Бога на Землю. Да... весь город Веймар – это храм. Это огромный храм под открытым небом.

Маленькая, скорее всего семейная гостиница. Официант в ресторане пожилой бюргер с македонскими усами на восток и запад. Линда просит русскоязычную соседку за столом заказать ей супчику. Официант с весело улыбается и переспрашивает:

– «Су-упчик»? Су-упчик – карашо!

Линда взяла машину напрокат, потому что в канун Нового года – Парамони Протохронияс – никто из греческой экскурсионной группы не изъявил желания ехать с ней в Бухенвальд. На неё не стали смотреть, как на чокнутую – греки уважают чужие потребности – но и поехать

с ней никто не горит желанием. Возможно, они не хотели портить себе праздник, ведь Новый год будут встречать все вместе в уютном ресторане гостиницы. Дамам надо успеть в парикмахерскую, мужчинам просто покурить в тепле и посмотреть телевизор. Праздник намечается нештучный – и холл гостиницы, и коридоры и ресторан, и дух обслуживающего персонала, всё пребывает в парадно-торжественном состоянии ожидания чего-то прекрасного, не успевшего сбыться в Рождество...

Зачем ей нужно было в Бухенвальд? Она сама не знала... А может быть, знала, но боялась себе в этом признаться?

Она выехала за город. Вот и Веймар остался позади. Вдоль дороги поразительно красивые разноцветные домики с балконами, все сияющие гирляндами ярких лампочек закончились. Они были почти как тот, маленький пластмассовый домик, который Линда когда-то, очень давно, подарила тому единственному, утомлённому и загадочному рыцарю, который впервые при всех громко произнёс слово «еврей». Такие же дома, только без петуний, запорошенные свежим снегом и от этого, может быть ещё более красивые.

Навигатор приказал ехать вверх.

Странно... очень странно... на дороге нет ни одной машины. Тишина... Кажется, если заглушить мотор и выйти из машины, то будет слышно, как снежинки осторожно ложатся на Землю. Нет вообще никого! Да и в Веймаре на улицах не было ни одного человека. Вот, оказывается, что ещё больше усиливало его сходство со сказочным чудом. Становилось реально жутко... Если сейчас кто-то остановит её машину и утащит Линду в чащу леса – её никто не найдёт! Кстати, это что за густые такие леса вокруг! Это дерево называется «бук». Его древесина одна из самых прочных и поэтому дорогих на рынке. Бук – ветви такие густые, что часть из них тянется к небу, а часть, как у плакучей ивы, к земле. Наверное, когда на них есть листья из-за кроны неба совсем не видно. Это вокруг буковый лес, по-немецки «Бухенвальд».

«Бухенвальд»... какое страшное и чёрное слово. «Бухен-вальд». От сочетания этих звуков шевелятся волосы на голове. «Бухенвальд» – знаменитый на весь мир концентрационный лагерь означает просто «буковый лес», «буковый» это точно так же как «хвойный» или «берёзовый»? Так нежно и так романтично.

У Линды стала кружиться голова. Несколько раз возникало непреодолимое желание развернуть машину и ехать, ехать обратно, не разбирая дороги. Вправо, влево – всё равно! К горлу подкатывала кислая тошнота. На спине между лопатками стало липко. Линда, пересилив себя, ехала и ехала по заснеженной, словно мёртвой дороге по направлению к лагерю, который на указателях был обозначен, как две чёрные, дымящие трубы на коричневом фоне. Линда знала – эта бесконечная дорога, вдоль которой прямо вплотную к асфальту растут высокие, мощные деревья... «Кровавая дорога» – отстроенная заключёнными для подъезда к концентрационному лагерю.

Вот она – огромная знаменитая башня с колоколом... Чуть дальше и правее – безукоризненно гладкая площадка для стоянки автомашин. Она совершенно пуста. Хочешь, паркуй машину вдоль, хочешь – рисуй колёсами на девственно нетронутым снегу кружева, всё равно никто не узнает. Только плотное кольцо букового леса, как и на трассе, вплотную подступает к асфальтовому полю. Кажется, шаг вправо, шаг влево... и ты заблудился в непроходимом лесу. Везде ощущение сжатого кольца и тесноты. Дальше надо идти пешком.

Всего-то известковая каменоломня, которая должна была поставлять материал для строительства в Германии зданий и дорог, стала в 1937 году предпосылкой для создания лагеря на горе Этгероберг. Мирная и покойная затея. В лагерь для физических работ депортировались мужчины, подростки и дети, которым не было места в национал-социалистическом народном обществе: политические противники нацистского режима, те, кого хотели считать уголовниками, гомосексуалистами, свидетелями Иеговы, евреи.

Белое снежное поле, окружённое кольцом – «маршрутом караульных».

Внутри лагеря двадцать пять метров «нейтральной полосы» до знаменитой колючей проволоки под напряжением, растрескавшиеся деревянные вышки, которые ещё хранят на себе следы ног часовых и лагерные ворота – граница территории между лагерем СС и лагерем для заключённых. Два мира – царство Аида и мир живых и границу сторожит трёхглавый пёс Керберос, бешеные глаза, со рта на землю капает зелёная пена.

В мире живых, на стороне СС – новенький, замечательный зоопарк, в котором есть даже медведи. Излюбленное место отдыха и психологической разгрузки служащих СС и их семей. Они любили с детишками прогуливаться по его тенистым аллеям. Зоопарк большой, забавные обезьянки строят рожи, дети смеются; птицы, сурки, есть даже крупные хищники. По другую сторону, в мрачном царстве мёртвых Аида движутся бесплотные, лёгкие тени в полосатых рубахах, они сетуют на свою безрадостную жизнь без света и желаний. Тихо раздаются их стоны, еле уловимые, подобные шороху листьев, гонимых осенним ветром в буковом лесу, плотным кольцом окружившим это тихое место. Сюда не доходят ни свет, ни радость.

Линде плохо. Сердце хочет выскочить из груди. Она знает, что хищников иногда в зоопарке подкармливали особо строптивыми или просто ненужными узниками. Линда с отчётливой, безудержной тоской убедилась – это была действительно плохая идея – ехать сюда в последний день Старого года. Снегопад усиливается и, кажется, поднимается ветер. Если здесь её застанет метель, она просто не сможет выехать.

Ладони мёрзнут на ветру, она вынуждена постоянно придерживать капюшон, потому что он то и дело сползает на глаза. Кто же ей виноват, что перчатки и бумажные носовые платки забыла на сиденье в машине?! Она старается развернуться спиной к ветру...

Институт проведения опытов для получения сыворотки от сыпного тифа... Станция проведения опытов с сыпным тифом... Крематорий – бывшее патологическое отделение и тут же выложенные огнеупорным кирпичом печи для сжигания трупов... Площадь для построения...

Ничего плохого – «площадь для построения». Просто «построения» заключённых и всё! Как везде в лагере должна быть дисциплина. Рабочие должны встать на ежеутреннюю и ежевечернюю поверку.

Линда отпускает надоевший капюшон. Он падает не на глаза, а на спину. Её светлые волосы тут же подхватывает ветер, рвёт, треплет их, осыпая снегом и ледяной стружкой.

...Они стоят на площади для построения, где каждый порыв ледяного ветра обещает быть для них последним. Рвущий душу лай откормленных овчарок с зелёной пеной, капающей с клыков и весёлые анекдоты эсэсовских офицеров; взрывы безудержного смеха и блестящие портсигары в холёных пальцах. В строю живые держат под руку мёртвых. Если умерший с ними, то можно в столовой получить его пайку, поэтому каждый старается найти труп первым. А вот на племенном жеребце выезжает из конюшни «арийская принцесса» – сама фрау Кох, жена коменданта лагеря. Она гарцует перед строем и, кажется, что мощная спина жеребца прогибается от её веса.

Эльза Кох – бывшая библиотечарша, большая любительница красивой кожи. Лицо её почти неженское, какой-то набор мяса на круглом, словно обведённом циркулем месте искажено гримасой омерзения. Эльза Кох – непревзойдённая «мадам абажур». Она сама придирчиво выбирает на теле заключённого татуировку, а потом из приглянувшегося куска кожи заказывает себе перчатки, сумочки, лампы, и даже... даже очень тонкое и очень сексуальное нижнее бельё.

Ноги Линды не хотят сдвигаться с места. Они вросли в плац, они собирают снег... Может, её скоро совсем заметёт? Как это всё так? Как это может быть, в десяти минутах езды отсюда – Веймар! Веймар – собор без крыши, место, Веймар – место, которое Бог отметил на Земле своей рукой и благословил его, а тут... тут четверть миллиона погибших и гарцующая на коне, окутанная дымом крематория Эльза Кох – потаскуха в душе и жена коменданта

лагеря по жизни. Здесь – в десяти минутах езды от дома Гёте и Баха и чуть правее и выше от того места, где стоит Линда «Роща памяти» и низина, куда сваливали пепел из крематория.

...Блок 45 – памятные камни болгарским заключённым, лицам, отказавшимся выполнять воинскую обязанность и дезертировавшим из рядов Вермахта, свидетелям Иеговы и гомосексуалистам.

...Блок 22. Памятник погибшим евреям.

За что такая честь? Всех вместе, а евреев отдельно? Что в них такого особенного, в этих евреях? Именно им посвящалась в 1938 году «Хрустальная ночь», и улицы немецких городов за несколько часов были усеяны осколками стёкол из их окон. Почему Нюрнбергский трибунал так и не смог назвать точную цифру жертв фашизма? Озвучили, что приблизительно исчезло с лица земли шесть миллионов человек. Может, потому, что нацисты уничтожали следы своих преступлений, а многие еврейские общины были уничтожены полностью, не оставив ни родных, ни близких, чтоб никто никого не искал? Так это всё в Германии.

Однако, что были гонения на евреев в родном СССР давно ни для кого не секрет. Все народы, в том числе и евреи медленно, но верно становились русскими, ну, или украинцами. Вон даже в своё время одноклассник Маргулис приносил в школу «свидетельство о рождении» и тряс им перед всеми в доказательство славянского происхождения своих родителей.

Одинокий «Фольксваген» на стоянке стал похож на детскую горку: весь занесённый снегом, как если бы Линда его здесь оставляла на всю зиму. Закоченевшие пальцы совсем не слушаются. Роняя ключи на пол, она долго не может попасть в зажигание. «Быстреей, быстреей, подальше отсюда! От этого Веймара, вместе с его Гёте, от „Рощи памяти“, от воздуха, пахнувшего смесью чёрного дыма из крематория и приторных до рвоты духов Фрау Абажур!».

Её тошнило, её выворачивало наизнанку, она гнала машину по заснеженной дороге, не оборачиваясь, и не смотря по сторонам.

Вот, наконец, дорога с указателем «Веймар» направо.

Слава Богу! Можно сбавить скорость, и приоткрыть окно. Да и пусть залетают снежинки в салон машины, зато они садятся на щёки и тают. И тогда совсем непонятно – снег это или слёзы.

Как же понять, откуда эта звериная ненависть к этим «евреям»? Ведь Линда была знакома только с одним. Если Маргулис – русский, то точно с одним! Знала и видела только одного, который двадцать пять лет назад стал «изменником Родины» и уехал в Канаду. Знала одного – того единственного, который почему-то был нужен всем, а ему никто. Его любили, а он боялся любить. Его ждали, а он не приходил.

Может Он не хотел быть снова за кого-нибудь в ответе, не хотел приживаться, не хотел пускать корни. Без корней легче расставаться и уходить, легче бежать, легче обманывать себя, что ты свободен, а на самом деле просто не веришь никому. Уехал в Канаду? Конечно... когда «по мере прохождения по залам выставки стены и потолок смыкаются, заставляя посетителя почувствовать тесноту, тупик», в «посетителе» углубляется разлом, увеличивается гигантская трещина, проходящая через всю его жизнь. Вот и Он в очередной раз бросает всё и едет... едет в Канаду. Там трещина поползёт дальше...

Да кто он такой, этот самый «еврей», чтоб о нём думать все эти двадцать пять лет?! Чтоб искать похожего на Него, искать, ошибаться, снова искать, и не находить! Где Он? Как Он? Счастлив или снова собрался в дорогу?

Откуда у Него это немислимое, неземное обаяние, порабощающее человека, отнимающее у него волю, силы, надежды? Обаяние, диктующее только единственное желание – увидеть ещё раз! Двадцать пять лет искать встречи, двадцать пять лет изо дня в день думать, думать о нём! Сверять своё время по Его часам, думать, гадать – помнит ли меня? Узнает ли при встрече?

Стал бы Он сейчас мной гордиться, поняв, что я выросла и перестала быть Гадким утёнком? Заметит ли, что я – женщина? Двадцать пять лет – это целая вечность, это треть жизни... Так, а если все евреи такие-то ли ангелы, то ли нечисть, порабошающие разум, владеющие душами людей, не отпускающие их на волю?! Может, поэтому в Буковом лесу и был для них отдельный барак №22?!

– Так это и есть мой «новогодний подарок?! Эти мысли?! Эти „открытия“?!», – Линда поняла, что уже разговаривает сама с собой, – Понять, что это наваждение на всю жизнь и ты никогда, слышишь, никогда не будешь свободна?! Его тень, его образ будут всю жизнь преследовать тебя, не давая жить собственными мыслями. То Рождество, когда ты сидела одна со своими подарками было даже лучше, чем этот путь из букового леса обратно в жизнь! – Линда выехала на автобан.

Вдоль дороги летели одинокие столбы, от однообразно-белого пейзажа она немного успокоилась, даже хотела включить радио, но отрывистая немецкая речь никак не вязалась с Новогодними поздравлениями. Она крутанула ручку радио, чуть не вывихнув её наизнанку.

«Хорошо бы побыстрее вернуться в гостиницу, – ноги задубели совсем и она не чувствовала педали, – Хоть бы не было на подъезде к городу «пробки»! Кофе хочется горячего, аж пальцы на руле судорогой сводит. Зачем всё это было?! Да, моя дорогая, это называется «ма-зо-хизм!»».

Ты хотела излечиться от хронической болезни, а заболела ещё сильнее. Дался он тебе, этот Боря-Саша Годунов! Поменьше бы о нём вспоминала, давно бы имела семью и скотоферму с поросятками в придачу. Сколько ему сейчас лет?! Ты вообще подумала, сколько ему лет?! А вспомнила, сколько тебе?! Нет его в твоей жизни, никогда не было и не будет», – Линда уже злилась на себя, на Голунова, на снег и вообще на весь мир.

Повезло. «Пробки» не было, но указатель показывал объезд. Надо было въезжать в Веймар совсем с другой стороны.

Окно всё ещё было открытым. Линда мёрзла, но холод как-то отвлекал от тяжёлых мыслей. Она глянула в зеркало заднего вида и ужаснулась. Из зеркала на неё смотрела красномордая, растрёпанная баба с мокрыми глазами и облезлым капюшоном. «Не-е-е-т! В гостиницу так ехать нельзя!» – Линде не хотелось ни удивлённых взглядов портье, ни вопросительных соседки по комнате. Куда ехать-то? В какое-нибудь кафе зайти, что ли? Ровно через семь часов – Новый год! Надо привести себя в порядок, избавиться от тяжёлых мыслей. Надо... надо... много чего сделать надо...

Она притормозила и завернула за угол. А за углом происходило что-то странное, то ли ярмарка, то ли просто привоз. В Греции в каждый день недели по разным районам открывается «лаики агора» – народный базар. То есть, приезжают из деревень производители и продают каждый, кто на что горазд. Кто овощи, кто сыр и колбасы. Кто вино и ципуро – всё ту же анисовую водку.

Но, бросив быстрый взгляд на малюсенькие прилавки, Линда поняла что ошиблась, приняв за ярмарку «Блошинный рынок».

О! Как Линда всегда любила такие места, и не беда, что снег повалил, как бешеный, наоборот, так ещё интересней. Зимняя сказка продолжается!

Лоточки стояли на небольшом расстоянии друг от друга. Кто покруче организовал себе эдакий самотканый навес из простыни и каждые пять минут палкой сбивал с него снег. Сразу было понятно – этот человек на рынке не случайный. Какой-то сытый дедок, розовый и очень весёлый дудел в губную гармошку. Прохожие улыбались ему и махали varezhkami.

Насколько Линда поняла, сюда приезжали раз в неделю, если не продать что-либо из бывшей в употреблении утвари из домашних раритетов, то устроить себе путешествие, прокатиться по хорошей дорожке, послушать музыку в машине, встретить на рынке старых знакомых. Если жена умеет водить машину, то попить с ними пивка и угостить жёлтыми, вкрутую

сваренными яйцами из-под собственной хохлатки. Вокруг витал дух здоровья и семейного счастья.

Продавали всё. Линда даже представить себе не могла, что на «прилавок» можно выставить такое!

Треснутые блюдца, но не майсенского фарфорового завода, а простые, на каких у нас в студенческих столовых подавали винегрет. Старый магнитофон с бобинами и коричневыми лентами, клавиши которого страшно напоминали огромные куски сахара-рафинада; потрёпанные книги, чайники с отбитым носом, виниловые пластинки, наверное, с немецкими военными маршами, настенные часы с рыбой вместо кукушки, чтоб молчала...

Мда... судя по возрасту предложений они «родили» определённый спрос. Ну, не... не совсем спрос... Меж столиков ходили «покупатели», что-то вертели в руках, рассматривали, ставили на место, о чём-то, улыбаясь, разговаривали с «продавцами». Те тоже улыбались. Кто-то, недолго поковырявшись в кошельке, приобретал нечто несерьёзное, но безумно ему понравившееся. «Блошинный рынок» – самый светлый и весёлый из всех существующих.

Меж тем, к деду с губной гармошкой откуда ни возьмись, подошёл молодой человек в расстёгнутой донизу, короткой дублёнке. Дед перестал играть, и стал переругиваться с подошедшим, да так потешно, что вокруг них быстро собралась толпа весёлых зевак. Они, судя по всему, подначивали то деда, то парня. Дед тоже в шутку что-то показывал парню руками, типа, что он, то ли дурак, то ли сволочь, одним словом, не совсем хороший юноша.

Обладатель губной гармошки всё тыкал пальцем в свои механические часы и махал в глубь рынка, из чего вытекало, что молодой человек вроде как попросил деда покарать его «товар» и сам исчез, скорее всего, надолго, то ли с друзьями, то ли с дамой сердца. Молодой человек же в ответ строил такие забавные рожи, как бы передразнивая деда, что Линда остановилась, засмотревшись на весь этот парад бесшабашного празднества.

– Канст ду мир верлассен, бите, Бога ради! – Парень делал вид, что в шутку отталкивает деда от себя и сам крепко обнимал его.

Ничего себе неожиданность! Молодой, симпатичный, говорит на чистейшем русском! Какой приятный сюрприз, тем более, здесь, в далёкой Германии и тем более сейчас В Греции многие знают русский, здесь же, хоть и бывшая ГДР, для Линды русский звучал неожиданно. По своему поняв удивлённый взгляд Линды, темноволосый парень ткнул деду в живот пальцем и что-то быстро сказал ей по-немецки, как бы оправдываясь за своё поведение.

– Я не знаю немецкого, – Линда дружелюбно улыбнулась, – я просто удивилась, как вы хорошо говорите по-русски. Вы русский?

– Я?! – Тут, видимо, пришла очередь парня удивляться. Чёрные глаза выдавали безграничную жажду жизни, – Я похож на русского? Ха-ха! Вот такого мне ещё никто не говорил! За итальянца принимали, а вот чтоб за русского! – И он, не выдержав, залился весёлым, счастливым смехом.

Линде, казалось, доставляло удовольствие смотреть на хохочущего парня. Всё в нём говорило о здоровье, счастье и благополучии. Было понятно, что и для него этот «блошинный рынок» просто развлечение. Вот он и посадил тут знакомого деда с соседнего прилавка с гармошкой, попросив «покарать» его «товар», а сам как пошёл навещать знакомых, так с ними и заболтался.

Хотя, судя по его замечательному настроению, он, скорее всего, ходил не к знакомым, а к знакомой, и не поболтать. А деду, видать, по такой холодрыге до ветру сильно приспичило, вот он на «коллегу» и орал.

Насмеявшись вдоволь, и видя, что Линда не торопится уйти, жгучий брюнет в распахнутой дублёнке решил не терять возможности что-то всучить из своего арсенала русской туристке.

– Фрау, возьмите вот эту фарфоровую мышь! Знаете, сколько ей лет? – Он, чтоб ну хоть что-то Линде всучить решил расширить ассортимент продаваемых вещей и вытащил из-под раскладного стола картонный ящик с безделушками. Они просто не помещались на забитый «товаром» прилавок, но, тем не менее, видимо, должны были Линду заинтересовать, – ... отбитый хвост, ну и что? Этот мышонок..., – он наклонился чуть ниже, прямо к Линдиному уху с завитком волос и стал шептать какие-то смешные глупости о грызунах. Распахнутая дублёрка взметнула полами, и Линда внезапно почувствовала запах разгорячённого молодого тела. Оно пахло туалетной водой, через которую пробивался тонкий запах чищенной абрикосовой косточки...

Линда схватилась за край стола. Сердце вдруг решило выпрыгнуть из груди, но застряло и бешено заколотилось в горле. Она почувствовала, что не может говорить. Вновь по-своему поняв её внезапное движение, парень ногой пододвинул к ней картонный ящик поближе, чтоб она могла заглянуть внутрь.

Как бы многое сейчас Линда отдала за простой стул. За такой же маленький и шаткий, как у деда с губной гармошкой!

Книги... химические карандаши, деревянная канцелярская промокашка – неваляшка, вся заляпанная чернилами, домик... маленький пластмассовый домик, видимо, от какого-то старого макета. Чья-то бывшая игрушка. Как он попал сюда? Он не может быть один. Это из таких детских наборов – паровозики там всякие, деревья пластмассовые, горки, мосты... – она, пересиливая себя, заглянула в коробку. На промокшем дне не было ни паровозиков, ни мостов, ни деревьев, ни других домов. Значит, он тут один?!

Она сняла перчатку, наклонилась, и подняла домик со дна коробки.

Линда сжала его в ладони и закрыла глаза.

Нежное, ласковое тепло разлилось по всей руке. Это был он, он – её домик из белой коробки с нарисованным на ней паровозом, домик, который она много лет назад подарила Ему на счастье. Вот и белые петунии, правда, сейчас они облезли и стали грязно-жёлтыми, но среди них отчётливо видны те, красные, которые Линда сама пририсовала, чтоб было похоже, как будто домик весь в розовой пене! В гостиной, освещенной желтоватым светом, стоит наряженная ёлка и под ней лежат, перевязанные атласными лентами, коробки с подарками.

– Сколько... сколько стоит этот домик? – Линда, не отрываясь, смотрит на горячего брюнета с итальянскими глазами. Он улыбается одними уголками губ. Брутальный мужчина, знающий себе цену. А на щеках... совершенно не к стати две детские ямочки на нежной коже!

– Домик? – Мачо был несколько удивлён выбором дамы и озадачен. Он старался казаться бывалым продавцом и не выказать своего удивления. У него торжественное лицо и поднятые вверх брови:

– Этот домик не продаётся, потому, что он ничего не стоит, – дублёрка распахнута, от него идёт нежный запах абрикосовой косточки, – этот домик папа велел подарить кому-нибудь перед Новым годом, на счастье! Нам этот домик счастье уже принёс. Мы живём точно в таком же, но настоящем. Мы купили его месяц назад!

Ха-ха! – Он не может долго быть серьёзным, – Совсем недалеко отсюда купили, – безудержное, предновогоднее веселье, казалось, прямо душило этого торговца подержанным товаром. Оно готово было выйти, выскочить из него и горячей волной перекинуться, захлестнуть любого проходящего мимо, – А вы берите его в подарок, совсем даром и если хотите ещё что-нибудь купить, возьмите хлебницу, – улыбка так же внезапно исчезла с его лица, как и появилась. Он вдруг снова стал совершенно серьёзен, склонил голову и посмотрел Линде прямо в зрачки:

– Эта хлебница сделана из очень красивого дерева, оно называется «бук». Это горное дерево и у нас тут растут целые буковые леса.

А вы знаете, какой бук крепкий и выносливый? Это дерево пока маленькое, может расти даже совсем без солнца. А если спилить взрослое дерево до пня, да хоть под корень, то через некоторое время поднимаются прямо из земли от корней новые ростки, и тогда каждый росток даст начало новому дереву!

Вы когда-нибудь слышали об этом?

Конец

Больше, чем реалити Повесть

*Абсолютно выдуманная история, все совпадения
с действительностью – простая случайность.*

Глава первая

Белое, матовое лицо, огромные синие глаза без зрачка и без единой мысли... Её выносят из квартиры на специальных сидячих носилках. Кожа отливает зелёным фосфором на фоне старых деревянных икон в серебряных окладах... Иконы... иконы... маленькие, большие, разные... Вся стена в иконах, как на резном иконостасе в церкви. Голова болтается из стороны в сторону в такт движениям санитаров... Значит – пока не застыла... значит... может быть даже жива?! В углу рта слюна, похожая на зубную пасту, противная, с пузырьками... Носилки лёгкие, кажется, плывут по воздуху. Она худенькая, маленькая... Лифта в доме нет, но санитары смогут её быстро донести до «экапа».

«Экап» – так в Греции называется реанимобиль – красивая ядовито жёлтая машина с оранжевыми полосами и, написанным на капоте, зеркальным отражением слова AMBULANS. Несколько сердобольных соседок подпирают щеку руками и сочувственно качают головой. Они все русскоязычные, приехавшие из бывшего СССР. Местные греки, не оглядываясь, проходят мимо. Они не любят наблюдать картины чужого горя да и к своим утратам относятся беззаботно и легко. «Всё в руках Божьих!», – При этом объясняют они и стараются побыстрее свернуть за угол.

Людуська была до безобразия общительной и смешной. Она конкретно ухитрилась, дожив до своих шестидесяти пяти, остаться Людуськой. И даже на «Людуськой» как таковой, а вообще «Дуськой». Это, наверное, потому, что в определённом обществе принято считать «маленькая собачка всегда щенок».

Её «общество» было к ней и в целом благосклонно. На самом же деле Дуське и самой нравилось играть роль «маленькой собачки всегда щенка». Она вообще всю жизнь играла какую-нибудь роль, но именно «щенок» была заглавной. В отчем доме Людуська считалась «самой маленькой «в семье, хотя и была по возрасту старше своих братьев и сестёр; потом «самой маленькой в классе», ну и так по жизни. Освоившись с детства в роли «маленькой собачки», она на долгие годы проросла в неё всей кожей, всем телом, обосновалась, прижилась да так и осталась, научившись очень правильно выкачивала из этого «положения» свои выгоды.

А выгод оказалось много!

К примеру она в зависимости от ситуации то пошаливала, как маленький ребёнок, дула губки, дрыгала ножками, то вдруг, вспомнив сказку Ганса Христиана Андерсена «Гадкий утёнок», искрясь и переливаясь, росла на глазах. Это она «превращалась» в «прекрасного лебедя», «женщину-вамп». В роли «лебедя» Дуська, вытянув вперёд тоненькую шею, могла часами рассекать по городу пешком, с лёгкостью преодолевая гигантские расстояния и ежечасно меняя наряды в примерочных близлежащих магазинов. В любом магазине она профессиональным чутьём кокетки моментально находила примерочную – этот плохо освещённый интимный уголок с пыльной занавеской и вытягивающим силуэт зеркалом, затем с ловкостью изошрённого факира ныряла в «таракотовую» сумку, извлекая тщательно отутюженные и ещё дома в стопочку сложенные наряды и в очередной раз переодевалась.

Она плыла по салоникским улицам, водрузив на голову невообразимую чёрную шляпку с вуалью и птичьим пером на запад, что в климатическом поясе Греции выглядело довольно нелепо. На неё с удивлением оборачивались любопытные туристы, практически в упор разглядывали и не скрывали восторга.

И Дуське это нравилось! Она, гася лукавый прищур, хищно улыбалась, показывая зубы мудрости в золотых коронках. Когда ей это надоело, она, словно внезапно что-то вспомнив, становилась «ловкой чертовкой». В роли «ловкой чертовки» Людмила, нисколько не обращая внимание на своё «величие», могла запросто незаметно слямзить в гостях или даже в магазине чужую вещь, запихав её себе в лифчик. Дуська открыто презирала все законы греческого общепития, весь день говорила «кали мера» – хорошего рассвета вместо «калеспера» – доброго заката, ела рыбу ножом с вилкой и в гости никогда не появлялась, как положено – предупредив звонком о своём появлении. Разрешения она ни у кого, ни на что и никогда не спрашивала, сваливаясь, как птичий помёт на голову очередной жертвы и орала дурным голосом в домофон:

– Линда! Открой на минуточку! Я тут мимо проходила...

– Ну и проходила бы мимо! – Смеялась Линда, но двери открывала почти всегда.

Наверное, действительно удобно делать из себя «маленькую»: можно прикинуться дурочкой и делать вид, что не понимаешь о чём идёт речь; можно, внезапно забыв, типа провалы памяти, о своих шестерых внуках от троих сыновей, напиться хоть тормозной жидкости и прыгать в таверне по праздничному столу, отбивая кривым каблуком такт вальса «Амурские волны»; можно попросить «взаймы» денег и «забыть» их отдать. Вообще, если дать фантазии полёту, это же сколько же всего можно!

Дуськины поступки реально напоминали поведение «трудных» подростков до двенадцати из неблагополучных семей.

Ещё она могла ... ой, да мало ли что могла сделать Дуська?! Но ей все сходило с рук, ей всё прощали. Близкие пожимали плечами:

– Ты что?! Дуську не знаешь? Да, ладно тебе!

И Дуську знали, и Дуська знала.

Линда ни за что не смогла бы ответить однозначно, как она относится к Людмиле. То ей казалось, что Люда ведёт какую то тайную игру, стараясь отвлечь внимание окружающих от чего очень глобального в её жизни, объегоривая всех вокруг и тайно насмехаясь. В такие минуты Линде хотелось огреть её тяжёлым предметом типа примуса по голове. То Линда, принимала Дуську со всеми детскими подгузниками и верила ей, хотя в Линдиной голове всё равно никак не укладывалось: как можно совершать «глупости» только в пользу себя?! А-а-а Дуська в роли «маленького щенка» всё наяривала и наяривала каждый день как в последний. Наверное, она уже и сама, случайно заглянув в паспорт, была бы крайне удивлена, обнаружив в нём пропись о своём истинном возрасте. С одной стороны Линда жалела Дуську. В смысле – жалела её не за определённые поступки, а жалела в целом. Ей было неприятно, что Дуська бездельница и «паразитка». Линда ругала её нелепые выходки, например за страсть к бесконечному «шопингу», причём в кредит.

Где потом Дуська добывала деньги, чтоб расплатится за огромные чёрные целлофановые мешки, туго втиснутые под кровать, никто не знал. Так она ещё и любила демонстрировать гостям содержимое этих самых баулов, выворачивая их наизнанку и вытряхивая на свою кровать невнятное содержимое «аристократических» оттенков – «пастэль», «абрикос», «карамэль». На эти тряпки от китайского «Моргана» из греческих «бутиков» Дуська молилась как на иконы. Сколько Линда не пыталась объяснить Дуське, что весь «Морган» в Грецию прибывает приблизительно оттуда, откуда и краска для волос «радикально чёрного цвета» фирмы «Титаник», то есть – без пересадок из Одессы с улицы Дерibasовской, та щёлкала распахнутыми, похожими на окна в ясный солнечный день, глазами и, мелко-мелко кивая, всенеменно во всем соглашалась, говорила, что «спорола фигнию», что «в последний раз», что

больше «ни в жисть», глаза её медленно наполнялись слезами, она плакала навзрыд, трясясь и вздрагивая всем телом и... и снова выпрашивала взаймы деньги. Вскоре под кроватью появлялся очередной моргановский мешок, и их в крохотной квартирке было уже штук пять, никак не меньше.

Ещё Линда жалела Дуську за неугомонный характер, за непостоянство, за то, что Дуська ни с кем никогда не могла ужиться, за её хронические бредовые идеи, за страсть к резким переменам в жизни. Вот к чему было, спрашивается, вдруг всё бросать и ехать из Киева жить в Грецию?! Понятно, многие греки, совершенно одержимые навязчивой идеей о репатриации, приехали на «историческую родину» в поисках призрачного счастья в «родной Элладе». Все свои разговоры они начинали и заканчивали словами: «Эллада, мана му!» (Эллада, матушка моя!), А Людмиле тут что?! Она же не гречанка! Значит, ей гражданство не светит.

И вот результат – Людмила нигде не работает, «социал» в виде копеечной компенсации за безработицу не получает, языка не знает и чем промышляет для всех загадка. Прикатить в Салоники, только чтоб коллекционировать пхеньянский «Морган» под никелированной кроватью с продавленной сеткой как-то несерьёзно. Линда жалела шалопутную Дуську чисто по-человечески...

Хотя может как раз Дуська и делает всё правильно в отличии от Линды при этом и абсолютно счастлива? Обсуждать кого-то и травить советами самое лёгкое. А что сама Линда совершила такого умного в своей жизни?! Добилась чего-то достойного? Вытянула счастливый билет? Или было очень продумано и круто, не слушая никого, кинуться за призрачной мечтой в Германию?! Это называется правильным и мудрым решением?! И что теперь из этого вышло?!

Когда в Лейпциге туман и угар первых дней неожиданной встречи с Голуновым рассеялся, до Линды с трудом, но стало таки доходить, что у человека своя жизнь, своя семья, он женат, всё давно очерчено, и он ничего в этой жизни менять не намерен. Он несколько раз совершенно ясно дал ей понять, что Линде нет места с ним рядом.

Но настырная Линда несколько не разочаровалась в своих детских мечтах и грёзах, она тянула время, ища выход. Она умом всё понимала, но сердце, расставшись однажды, не было готово расстаться второй раз и потерять его теперь уж навсегда. Сердце болело, шемило, и умирало каждый раз, когда он в очередной раз ей отвечал: «Нет!» И, вдруг, её осенило! Она как ей показалось, нашла единственный правильный выход. Задохнувшийся в гормоне счастья, вскипевший брызгами шампанского, мозг почему-то решил, что сын, его родной сын может стать для неё всем.

Оказывается, не только Людмила умеет себя обманывать...

Да ничего этот мозг не решил, и всё она знала заранее. Знала той зимой в Германии, когда «дворниками» старалась разбросать снег на лобовом стекле прокатного автомобиля, когда почти наугад, почти вслепую от горько-солёных слёз ехала к ним в гости в новый дом. Знала и решила для себя, что будет делать и как всего за три часа до встречи Нового года, того рокового года.

Скорее всего, именно тогда в Лейпциге Линда придумала себе новую сказку. Эдакую глупую, почти компьютерную «анимэ» под названием «Вечная любовь». Была же у неё «любовь всей её жизни», как же не настроичить ещё одну главу?! Такая встреча через двадцать пять лет, такая романтика, прямо как в песне Шарля Азнавура.

Эндрю, или как его дома называли «Андрей» оказался гораздо младше Линды. Он был младше почти на столько, на сколько его отец был старше её. Да разве она это видела?! Андрей был Его частью, его плотью от плоти, его душой, его ... его всем... от них даже пахло одинаково! Папа и сын... Так не пахло ни от кого на свете. Тонкий, свежий аромат абрикосовой косточки. А этот поворот головы, эти ямочки на щеках! Его смех, Его взгляд... кожа... тёплая и тонкая, как у ребёнка... как у папы...

Через три дня пребывания Линды в гостях, в самой середине «Миттагэссен», в аккурат между первым блюдом и вторым Эндрю вдруг, оторвавшись от приёма пищи, гордо заявил:

– Я женюсь на Линде!

У мамы упали очки, а папа просто вдохнул зелёный горошек с ложки и надолго закашлялся.

Дальше начался какой-то ужас: нескончаемые разговоры, уговоры, увещевания.

Они всё своё свободное время проводили в беседах с Линдой как со «взрослой женщиной, отдающей себе отчёт в своих действиях», говорили, что Эндрю «ребёнок», что «не готов к семейной жизни», что он пока не «сформировался как личность». Линда тупо смотрела на Андриюшкиного отца долгим, счастливым взглядом, и слова пролетали мимо, даже не задев ушную раковинку. Так по стеклу летящего автомобиля ползут капельки дождя, пробегают и падают вниз, не в силах его намочить. А может быть Он несколько лукавил, когда говорил о своём «несерьёзном» сыне? Линда в глубине души надеялась, что, позабыв обо всех условностях и правилах, отбросив все законы и обычаи, на этот раз Он будет рад отдать ей себя всего без остатка. Он должен и хочет исправить ошибку прошлого. Он хочет отдать ей своего сына.

Сам Эндрю, несмотря на страшный переполох и истерические рыдания матери, был на удивление спокоен. Казалось, он понимал молчание отца как немое согласие на его брак. А, может и просто мыслями не отягощал своего существования.

– Я решил обзавестись семьёй! – Сказал он ровно через три дня от появления Линды в их доме, – Мне не интересны ваши возражения, потому что я её люблю! Он гордо ухмыльнулся, показав обе ямочки на щеках и, что-то напевая под нос, вышел из кухни, оставив «взрослых» дебатировать и выражать друг другу свои неприкрытые чувства.

Пена из кастрюли с макаронами ползла по новой электрической плите с красными «глазками». Она шипела и дымила, но этого никто не замечал.

Может быть, в ту минуту Он был восхищён своим сыном, потому что двадцать пять лет назад сам не решился вслух произнести такие простые и такие важные слова?

Никакие увещевания и слёзы матери не помогли, а Голунов-старший махнул рукой и сказал: «Он взрослый, пусть делает что хочет!». Эндрю и сделал «что хотел». Они обвенчались по всем законам, сходили в Лейпцигскую синагогу и, пообещав «любить друг друга, пока смерть не разлучит» нескольким приглашённым друзьям семьи, открыли свой медовый месяц. В тот день «друзья» в синагоге жались в угол и упирались друг в друга локтями, наверное, чтоб не упасть в обморок от ужаса и горя, так внезапно поразивших семью их приятелей.

Молодожёны немного пожили в Лейпциге.

Линда очень полюбила этот город. Казалось сам воздух, заблудившийся в кронах деревьев этого прекрасного саксонского городка, пропитан аккордами бессмертного Баха, густыми и терпкими, как монастырское кино. Светлое, похожее на прозрачный хрусталь небо; аромат дорогого парфюма от высоких, статных немок смешивается с запахом пышной выпечки. Распахнутые двери больших и маленьких кафешек страшнее античных сирен зазывают к себе зазевавшегося путника, нащёптывая ему на ушко сладкую песню о том, что пора отдохнуть. Узкие улочки Старого города тонут в дыхании жаренных кофейных зёрен.

Линда нашла Его в этом прекрасном городе, встретила с ним через двадцать пять лет. Двадцать пять лет слёз и немного ожидания. Он живёт ни в какой ни в Канаде, как ей рассказывали, Он живёт здесь, теперь будет рядом с Линдой всю оставшуюся жизнь, «пока смерть не разлучит».

Линда не жила, она всё время находилась в какой-то прострации, в другом, параллельном мире, в ином измерении, где спираль времени сделала виток и начала обратный отсчёт. Она была уверена – плохое в прошлом, и теперь всё у неё будет хорошо.

Заниматься построением семьи в одном доме с родителями оказалось не совсем удобно, да если честно никто особо и не предлагал, а снимать квартиру в Лейпциге слишком дорого

и в целом бесперспективно. Устроиться на работу без знания немецкого языка у Линды не получится. Взвесив все за и против, молодые решили уехать жить в Грецию и поселиться в Линдиной квартире в Салониках. Маленькая, зато своя! Эндрю, как оказалось, был без определённого рода деятельности и поэтому совершенно безболезненно мог себе позволить переехать в другую страну. Линда очень обрадовалась, что выбор места жительства ни для кого не стал яблоком раздора. Конечно, работы сейчас гораздо меньше, чем несколько лет назад, но жить можно.

– У тебя деньги есть? – Спрашивал молодой супруг.

– На первое время хватит! – Говорила Линда, обвивая его шею руками и купаясь в своём неземном чувстве, – Потом мы же вдвоём будем работать. Ты пойдёшь на курсы языка, выберешь себе специальность, ну есть курсы гидравликов, электриков, программы разные государственные для приезжих и всё будет чухи-мухи, не переживай.

Чего она рисовала картины маслом? Эндрю айгентлих (вообще-то) вовсе и не переживал.

Он быстро освоился в Греции. Ему очень нравилось, что их однокомнатная квартирка стоит почти на берегу моря. А климат – десять месяцев лета – ему особенно подошёл. Эндрю расцветал прямо на глазах.

Весна в Греции всегда ранняя и начинается сразу после Дня святого Валентина. Первой белым под балконом расцветает ничейная слива, а рядом, прямо через забор распахивает свои пятилистнички малиновый миндаль. Зимой немного сыровато, правда, Андрей кутается в плед и, зажав в обеих ладонях огромную чашку, пьёт из неё горячий чай и подставляет своё нежное лицо, поднимающемуся от неё, ароматному пару.

Зато с первыми набухшими на деревьях почками молодой супруг пушит пёрышки и, облачив себя в лёгкий, почти летний костюм, красивый и уверенный неспешно прогуливается по улицам южного города, любуясь на своё отражение в витринах магазинов, то и дело и заглядывая с газетой подмышкой в самые дорогие кафетерии на набережной.

– Андрюша, я узнала для тебя насчёт курсов по туристическим специальностям! – Линда подпрыгивает и заглядывала мужу в глаза. Стоило ли жить одной столько лет, не вступая с мужчинами ни в долгие, ни в серьёзные отношения? Быть всегда одной, не обращая внимания на любопытные и осуждающие взгляды? Жить и верить, что когда-нибудь, когда-нибудь в один час, в один миг, пусть очень далеко, хоть в другой стране, на другой планете всё перевернётся с ног на голову; что отвратительное, густое и липкое, похожее на болотную топь одиночество отступит, закончится как страшный сон, бесследно растворяясь в небытие. И вот оно чудо произошло, значит правда – каждому воздастся по вере его!

– Эй! Андрюха! Хрюха! Не слышишь, что ли?! – Линда старается быть серьёзной. Ну, негоже всё время визжать от счастья. Всё равно у неё плохо получается, губы сами разъезжаются в глупой улыбке., – Андрюшка-а-а! Слышишь?

– Слышу, конечно! Незачем так кричать.

– А чего не радуешься?

– Чему?

– Заманчивому предложению!

– Какому?

– Андрей! Ну хватит баловаться! – Линда шутливо шлёпает его пониже спины, – Ну я же тебе русским языком говорю – есть курсы для желающих работать в туризме. Ещё и зарплату платят, то есть небольшую стипендию, – Линда ничего не видит и не замечает просто потому, что не хочет ни видеть, ни замечать. Балуется мальчишка, да и пусть балуется. Не наигрался пока. Родители предупреждали о его неготовности к семейной жизни. Ничего страшного! Её хватит на двоих. Раз уж сама оторвала «мальчика» от мамки, значит самой и надо растить даже если придётся параллельно исправлять просчёты и пробелы родного родительского воспитания. Боже! Как смешно! То не было никого, а тут и муж и сын в одном лице. Какая огромная

ответственность и какая прелесть! Он всего этого заслуживает, красотище моё. И сейчас как ткнусь ему в грудь носом, и как понюхаю. Птичечка моя! Абрикосик пушистенький!

– Ты куда? – Линда не заметила, когда он надел туфли он надел туфли.

Эндрю оборачивается в дверях:

– Я куда? Немного пройтись. А что?

– Ну если ты выходишь из дому, мусор вынеси, пожалуйста!

– Давай!

Он стоит и ждёт, пока Линда не упакует пакет во второй целлофановый мешок, чтоб не накапало на пол и на одежду.

– И долго мне тут стоять? – Эндрю сердится. Он не любит ждать. Такой взрослый весь, серьёзный такой.

– Я сейчас! Я быстро! Течёт же. Уже завязываю.

– Ничего что течёт! Давай! Потом подотрёшь.

– На! Держи вот тут, а то порвётся. Ты на обратном пути сможешь хлеба купить?

– Я вообще не в сторону хлебного иду.

– А что тогда делать?

– Ну ты чукча! Такие вопросы задаёшь! – Эндрю обнимает Линду и целует в висок, – Пойдешь и купишь сама.

В глазах темно... Вся кожа, все клетки, все ядра, все митохондрии знают, ещё немного и Линда растечётся по паркету как фиалковое мороженное, блестя и переливаясь в свете чешского бра – подарка кого-то из маминых друзей на её совершеннолетие. Как давно это было, то самое совершеннолетие. Она привезла этот светильник с собой. Сколько он видел всего и хорошего, и плохого. А сейчас ей за сорок, а сейчас она очень взрослая, очень собранная и строгая. И ещё у неё есть Андрюшка, за которого она теперь всегда будет в ответе перед его отцом. Если бы тогда, давным-давно его отец только бы глянул в её сторону, только шевельнул бы одним пальчиком, этот красавчик с уголками губ, вздёрнутыми вверх мог бы быть её сыном. И она бы тогда, двадцать пять лет назад, была бы молодой мамой. Но, всё вышло по-другому, только это теперь неважно. Важно, что всё-таки вышло. Важно, что они вместе. Пусть в другом образе, в другом обличии, однако Он навсегда остался с Линдой...

Девочка у Линды родилась крупненькая, аж пятьдесят три сантиметра и улыбчивая.

Никто не предупредил, что сейчас в палату принесут новорожденных. Их было шесть колбасок с запелёнатыми попками и в кофточках с медвежатами, по две колбаски на руках каждой медсестры. Линда почему-то не отрывала глаз от маленького личика, под белой чёлкой, которое, как ей показалось, очень строго смотрело на неё. Подошедшая медсестра просто отдала ей тот самый кулёк с пристальным взглядом и ладошками в розовых варежках, и всё – жизнь Линды остановилась. Она не видела уже больше ничего, ни охровых листьев столетнего чинара, громко барабанивших в больничное окно, ни моря, стыдливо прячущего свою бирюзу за этими листьями, ни сидящих в воде по самую ватерлинию, перегруженных танкеров на рейде, всё пропало, весь свет заслонили две нежные ямочки на персиковых щеках.

Как её назвать? Конечно Александра! Потому что заканчивается на – андр, и ... и ещё потому что... потому что теперь она имеет полное, полнейшее право повторять это имя столько раз в день, сколько захочется, по любому случаю и без случая, всякому, по разному. Сашенька, Сашуленька, Сасиска, Шурочка, Алексашенька, Алекс, Алека, Алька, Эйяль. Эйяль это по-еврейски. Значение у этих имён одно и то же – защитница мужчин. Во как! И вырастешь такая же умная, красивая и смелая как твой дедушка, рыбка моя!

Андрюша очень радовался рождению дочери. Долго подшучивал над Линдой и вспоминал как она в первую ночь после роддома, осторожно положив Альку в её кровать, забила в угол комнаты и ни за что не соглашалась оттуда вылезать. Потом она всё-таки вылезла из сво-

его убежища и, сидя в ногах детской кровати на корточках, не спала всю ночь, караулила ребёнка, потому что умирала от страха. Ей казалось, что с Алькой должно что-то произойти.

Что именно Линда так и не смогла объяснить ни тогда, ни потом, но она дрожала как осиновый лист, боясь, что не сможет «чему-то» помочь, и с Алькой случится непоправимое. Конечно, конечно Линда была врачом и у неё был диплом об окончании Медицинской Академии, но этот диплом сейчас лежал там, далеко в центре города, в Коллегии Стоматологов, а тут дома, в детской кровати сопела в две дырочки пятидневная Аля, и это было безумно страшно!

Линда никогда не видела вблизи маленьких детей. У неё не было ни подруг с детьми, ни племянников, ни крестниц, никого и поэтому её глубокие познания заканчивались на институтских «Детских болезнях», пройденных ещё на третьем курсе.

Что делать, если она заплачет? А если очень сильно заплачет? Вдруг у неё что-то болит, и она именно поэтому поводу плачет? Например, очень болит голова. Хотя чего её голове болеть? Она же не сдавливалась, меня «кесарили», то есть – родовых травм у ребёнка нет. Так значит болит вовсе не голова?! А что тогда?! Ах! Ещё хуже! Она может заплакать, потому что... потому, что хочет гулять! А как туда идти, на улице ведь ночь?! Нет... зачем ей гулять?! ... Она же совсем маленькая... Может, ей нужна пустышка? Скорее всего так. Но, как Сашка будет её сосать, у неё же рот маленький, туда и мизинец не влезет, а пустышка большая! А зачем ребёнку совать в рот мизинец?! Ужас! Ужас!... Господи, как страшно! Какие жуткие мысли лезут в голову, жуткие вопросы, дебилские ответы... Боже... иже еси на небеси... Господи... как страшно... Господи!...

– Линда прикрыв глаза, как попрошайка на паперти бормотала молитвы. Вдруг её как по тмени стукнуло: «Боже! За кого я молюсь?! Она же не крещённая!»

– Андрюша! Андрей! – Линда одним прыжком добирается до его рукава, – Алечке плохо, она собирается заплакать, потому, что заболела. Её надо... её надо срочно покрестить!

– Её надо срочно переодеть. Написала она, вот и кричит, – Андрей как то очень ловко стаскивает с Сашки ползунки и расстегивает подгузник.

– Боже, какой ты умный! – Линда уже не может сдержаться и рыдает в голос, – Как замечательно, что ты со мной рядом... что ты такой... такой... – спазмы в горле не дают выговорить ни слова, только хрип вырывается из груди.

– Что-о-о с тобой? – Эндрю смотрит на неё с усмешкой, – Я не понял кто у нас профессор, доктор медицинских наук и просто человек с высшим образованием?! Ты что детей никогда не видела новорождённых?! Ну-у-у. Это балл не в твою пользу.

– Ой... не надо бал-лов... – всхлипывает Линда, – ты... ты только помоги... ты только помоги... не бросай меня с ней одну!...

– Что значит «бросай»?! Когда надо будет, тогда и «брошу». В конце концов – ты её родила, ты её мать вот и учись смотреть за детьми. Что ты думаешь – я всегда буду ей менять подгузники?! Ошибаешься, моя дорогая. Ты обязана и кормить её, и купать и переодевать. А кто, по-твоему, это должен делать? Ладно, сиди сегодня в своём углу, а завтра давай за работу. Ишь, как тебя развезло.

Линда была благодарна, безумно благодарна судьбе за всё, что с ней происходит. Только вот она немного привыкнет, страхи пройдут, и всё тело будет болеть немного поменьше. А то после той дырки в позвоночнике, куда ей вкололи обезболивающее, как это называлось? Вот: передуральная анестезия, то есть – между позвонками под твёрдую оболочку спинного мозга вкалывают лекарство, чтоб обезболить и обездвижить нижнюю часть туловища. Так вот после той дырки и того лекарства болит каждая точка тела, всё мясо, все кости. В больнице через несколько часов после операции она хотела дотянуться до звонка, чтоб вызвать «стюардессу» с анальгетиком в пластмассовом шприце. Боли были такими сильными – пока Линда подняла руку, пока повернула правую ногу, согнула в колене левую, подтянулась – на вызов ушло пол-

часа. Наконец «стюардесса» с готовым шприцем, вся в белом потнике подошла к кровати, и «живая вода», из подключичного катетер медленно растеклась по сосудам.

В первый день Эндрю пожалел её и не стал будить, когда Линда, вволю наплакавшись и совсем обессилив, так и уснула, сидя на полу.

Ночью ей снился сон.

Голодные котята просят есть, мяукают, медленно обхаживают её и кончиками хвостов щекотят Линде голую ногу. Котята смешные и пушистые. Они маленькие, но орут как большие зрелые коты с опухшими от весеннего томления яйцами. Ничего себе голосочки!

– Линда! Ну Линда сказал! Сколько можно?! Ты уже мать, дорогая моя, у тебя появились кое-какие обязанности, – Эндрю, согнувшись в поясе, тряс её за плечо, – Да проснись же ты, горе-мамаша, не слышишь – ребёнок плачет. Обязательно она охрипнуть должна?! Мне бы стыдно было! Вставай, сказал! Она, наверное, есть хочет. Или обкакалась. Где там эти соски, что тебе в больнице дарили? Давай, вставай, кипяти. Ты вообще помнишь – как надо эту смесь разводить?! А то ещё сделаешь не так. Надо чтоб была определённая пропорция. Читай, там на банке для таких как ты всё написано. Вон, видишь таблица.

«Таблица, таблица... – Линда вообще не понимала о чём разговор, – зачем котят кормить по таблице? Почему молочной смесью из банки? Кто вообще в дом принёс котят?! Ах! Каких „котят“?! Это не котята! Это наша доченька Сашенька! Моя любимая роднулечка! Любимая и самая на свете долгожданная! Голодная и плачет. Дитё плачет, хочет есть, а я вообще забыла, что она существует!»

– Я... я сейчас! – Линда рванулась с пола изо всех сил, но острая боль пронзила всё её существо. Место вкола иглы анестезиолога в позвоночник горело нестерпимым огнём, ноги не слушались. «Вставай, вставай, и даже виду не подавай, что тебе больно, а уж тем более, что про ребёнка забыла. Молока после „кесарево“ нет, ровно, как и совести. Думать надо было, когда выходила замуж за молодого принца. Надо всё делать быстро, чтоб Эндрю не завёл снова свои шуточки про возраст».

Готовой кипячённой воды в чайнике не было. В термосе тоже. Алька, совершенно обидевшись, уже рыдала в голос.

– Андрей! – Позвала она из кухни, – Ты покачай её, пожалуйста, на руках, пусть немного успокоится. А то пока вода вскипит, да пока я её остужу, измучается ребёнок.

– Да ты что?! – Эндрю был абсолютно трезв и разумен, как всегда, – То есть – ты будешь спать, она орать, а я брать на руки и потакать её капризам?! Ты сама не читала – когда ребёнок плачет его нельзя баловать и обнимать, потому что именно так и возникает порочная связь – «я ору, вы меня ласкаете, значит когда я хочу чего-то добиться, буду всегда орать!» Как то так. Или я не прав?

Прав, прав, ну, конечно, прав, только сейчас, ну сегодня возьми её на руки! Ей всего пять дней и пять ночей. Ну, пусть она хоть не захлёбывается и на секундочку замолчит. Я больше так не буду. Я буду сразу просыпаться. Нет, не сразу, а даже раньше её. Когда она только зашевелится, у меня в руках всегда будет уже готовая соска.

Линда пролила кипятком мимо бутылки. Руки тряслись, спина болела нестерпимо...

Но, воды кипячённой осталось ещё много.

Вот оно и всё – Линда сидит в кресле. Алька от счастья аж захлёбывается и чавкает как ненормальная... Слава Богу! Кошмар с ночным кормлением закончился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.